

Наталья Рубанова

РУССКИЙ

DISSONANS

Наталья Рубанова: Виктор Леонидович, статьи ваши неизменно вызывают полемику. «А Топоров вообще как – вменяемый? Ну, адекватный?» – спросила меня адекватная вменяемая барышня, когда я вернулась с прошлогодней церемонии «Нацбеста» в Москву, в Москву...

Виктор Топоров: И что ответили?

Н.Р.: Сыграла в нотариуса: подтвердила дееспособность. Но давайте-ка танцевать от печки: что для вас – слова? Буквы? Их внутренняя жизнь, энергетика, сила – и немощь? Спрашиваю с корыстной целью: дозу вашего всамделишного, праведного – и «понарошного» – яда, выпущенного в истекающие как кровью, так и клюквенным соком шкурки пишущих, вычислить хочу...

В.Т.: Говорят обычно так: «Топоров, разумеется, сумасшедший, но это его ни в коем случае не оправдывает...». Вообще вы тоже как-то меня не так себе представляете. Как будто я существо с вынесенной наружу внутренней секретцией. Был такой фантастический роман полве-

ЛИМБУС
ПРЕСС

Наталья Рубанова

**Русский диссонанс. От
Топорова и Уэльбека до
Робины Куртин: беседы и
прочтения, эссе, статьи, рецензии,
интервью-рокировки, фишки**

«Издательство К.Тублина»

2023

УДК 82-4
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Рубанова Н.

Русский диссонанс. От Топорова и Уэльбека до Робины Куртин: беседы и прочтения, эссе, статьи, рецензии, интервью-рокировки, фишки / Н. Рубанова — «Издательство К.Тублина», 2023

ISBN 978-5-8370093-6-5

Калейдоскоп медиаперсон - писателей, актёров, режиссёров, политиков и проповедников - уникален неординарным подбором имён. Наталья Рубанова вовлекает искущённого читателя в предельно личную, частную историю общения с теми, кто давно вкусил плоды успеха или начинает срывать их. Среди игроков этой книги издатель, переводчик и критик Виктор Топоров, актриса Ирина Печерникова, пианистка Полина Осетинская, прозаики Валерия Нарбикова, Людмила Улицкая, Денис Драгунский, Александр Иличевский, и не только. А ещё - философ-богослов Андрей Кураев и всемирно известная буддийская монахиня, досточтимая Робина Куртин. Экстравагантное собрание пёстрых глав - эссе и статьи, в которых писательница размышляет о книгах Мишеля Уэльбека, Ильи Кормильцева, Виктора Пелевина, Алины Витухновской, Инги Ильм и многих других, а также - в своих интервью-рокировках - о том, да что же такое «эта самая проклятая литература» и собственно «русский диссонанс». Избранные эссе, беседы, интервью, статьи и рецензии в разные годы (ок. 2002-2022) публиковались в журналах «Культпоход», «Знамя», «Урал», «Новый Свет», «LiteraruS», «Перемены», в газетах «НГ-Экслибрис», «Вечерняя Москва», «Частный корреспондент», «ЛитРоссия», «Литературная газета» и пр.

УДК 82-4
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370093-6-5

© Рубанова Н., 2023

© Издательство К.Тублина, 2023

Содержание

Наталья Рубанова	7
Часть I	9
Ирина Печерникова[3]	9
Виктор Топоров	16
Мишель Уэльбек[11]	21
Фредерик Бегбедер[24]	35
Вероника Долина[26]	37
Елена Камбурова[28]	40
Иосиф Райхельгауз[29]	43
Людмила Улицкая[33]	46
Татьяна Веденеева	50
Виктория Токарева[35]	53
Денис Драгунский[36]	56
Валерия Нарбикова[37]	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталья Рубанова
Русский диссонанс от Топорова
и Уэльбека до Робины Куртин
Беседы и прочтения эссе, статьи,
рецензии, интервью-рокировки, фишки
Сборник
Топорову, до востребования

* * *

© Наталья Рубанова, 2023
© ООО «Издательство К. Тублина», 2023
© А. Веселов, оформление, 2023

Наталья Рубанова

Russian dissonance à la present continuous

Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист.

Чехов

В предисловии к билингве «Letters to Robot Werther / Зашибись!»¹ переводчица определила тип моего письма как *Russian Dissonance*, он же *русский диссонанс*. Ювелирная работа американки, которую, как и меня, славянку, интересует музыка слова (в частности, одновременное звучание в тексте «несозвучных» тонов / смыслов или кластеров / суждений), а также возможность перевода «непереводимого» с русского на английский, заслуживает, особенно ныне, пресловутого отдельного исследования²: но здесь и сейчас о другом.

В сборник «Русский Диссонанс», куда вошли мои избранные интервью и беседы с медиа-и просто персонами, эссе, статьи, рецензии и фишки разноформатных зим и лет, представляет собой именно это нарушение гармонии. Совмещение не совмещаемого. Тритон. Сожительство под одним корешком-одеялом полярных человекопространств, эстетических и порой этических – «на всякий роток не накинешь платок» – координат. Те самые параллельные прямые, которые, по законам начертательной геометрии, пересекаются лишь в бесконечно удаленной точке, здесь и сейчас странным образом совпали.

По иронии судьбы (Е2-ль-Е4 поймешь, для чего) автору этих строк довелось общаться с самыми «несозвучными», несоприродными друг другу персонажами (еще тот русский диссонанс), а также публиковать тексты о литераторах, которые при встрече предпочтут кивнуть стене, нежели коллеге-согугу-по-цеху, и будут как *правы* – так и *левы*. Именно поэтому в книгу вошли далеко не все записанные за много лет моей работы в литературной журналистике диалоги (второй том «Русского диссонанса», возможно, не за горами). Кое-что намеренно исключено из сборника, ибо бессмысленно и странно было бы транслировать ныне позиции экс-интервьюируемых «с особенностями этического развития»; ну а о ком-то я просто забыла.

Впрочем, где тот «цех» и та «стена»? И что может быть общего у Нарбиковой – с Яхиной? У Токаревой – с Топоровым? У Витухновской – с Камбуровой? Как писать про Лунгина, Урмаса Отта, Уэльбека, Кормильцева, etc., – и Кураева с досточтимой Робиней Куртин? Меж тем наша беседа с этой уникальной личностью замыкает первый блок сего тома, но размыкает ваше сознание, – и потому читайте книгу с конца первой части. После общения с буддийской монахиней, прошедшей огонь-воду-и-медные-трубы, задавать кому-либо вопросы представляется нелепым и, пожалуй, смешным.

Во втором разделе книги живет своей жизнью избранная эссеистика (есть и индийский *trip*, хотя травелог – не мой конек: обычно не описываю частное пространство путешествий), а также как классические, так и в чем-то радикальные критические статьи + рецензии на книги,

¹ Наталья Рубанова. Letters to Robot Werther / Зашибись! / перевод Рэйчел Даум. – SLC, UT: Carrion Bloom Books, – 80 с. (Драма / Поэзия в билингвальном издании).

² «У текстов Рубановой, литератора с классическим музыкальным образованием, свой характерный тон и тембр: когда Рубанова пишет, она использует звуки, чтобы „бросать ноты“ вместо слов. Ее манеру письма отличает настойчивость в целенаправленном лоббировании диссонанса. Именно этот целенаправленный диссаккорд и удивляет читающего, создавая весьма своеобразный авторский стиль, и одновременно бросает вызов переводу: *может ли русский диссонанс работать на английском языке?* Один из способов, который Наталья Рубанова использует в своей работе, это смешение звуков: она заставляет их сталкиваться, вызывая подчас некие ассоциации с поэзией „русской зауми“» (Р. Даум). <http://www.rewizor.ru/literature/spetsproekty/knijnaya-lavka-revizoraru/pisma-k-robotu-verteru-zashibis/?preview=true&fbclid=IwAR3UmxQ2mAuJZ3IK-7rwn2GbHoPqIWENm0UOhg0gPhQarQF9RrutTBGwJkY>

в свое время показавшиеся достойными внимания: в том числе мои точечные отзывы на тексты одного из далеких уже «Нацбестов», который довелось жюри с легкой руки В. Л. Топорова.

В третьем кластере интервьюер меняется местами с пресловутыми предыдущими ораторами: теперь уж сама Рубанова отвечает на вопросы тех, кому сколько-то любопытно то, что делает в литературе-да-около как она сама, так и соприродные ей писатели-и-другие-тоже-приматы.

Ну и «фишки», на посошок: для имеющих уши – ведь когда-то на самом деле *жили-были король с королевой*, ну а читать нельзя запретить.

Н. Р.

Часть I

Беседы и прочтения

Привет прекрасной эпохе

Ирина Печерникова³

«Не надо выходить замуж, если ты замужем за театром»

При перепросмотре архивов неизбежно натыкаешься на забытое: так нашлось и наше интервью с актрисой, сыгравшей прекрасную училку в «Доживем до понедельника» – фильме, которому более полувека, а он по-прежнему молод без пластики. Этому интервью много лет – *той жизни* нет в помине: мы будто б пережили пандемию и начали учить неоновейшие уроки истории, ну а тогда, в зазеркальном 2008-м, я пришла к Печерниковой домой. Жила она в тихом переулке у *Красных Ворот* – на пороге меня встретила маленькая сухая женщина-девочка в длинном бархатном халате, совершенно не похожая на волоокую «богиню» из всем известной ленты Ростоцкого. Вместо положенного часа проговорили четыре. Горели свечи. Печерникова раскрывалась не сразу, приходилось вскрывать в ней слой за слоем, слегка сламывая еле уловимое сопротивление: это и казалось самым интересным... в финале она подвела меня к своей любимой иконе. Впрочем, интервью порезали, а журнал «Культпоход», в котором оно было опубликовано, канул в Лету.

Остался текст (в этой книге – публикация без купюр), тире между датами 1945–2020 и томик с автографом Ирины Печерниковой «Дожила до понедельника» в шкафу.

* * *

Наталья Рубанова: *Наверное, вопрос «любил ли вас Высоцкий / Тихонов / Даль / Смоктуновский?» задавали вам не раз и не десять; именно поэтому я и не хочу касаться сей темы, тем более что в книге «Дожила до понедельника» вы предельно откровенны – ну или почти. Что это – невозможность сказать журналисту «нет», или?..*

Ирина Печерникова: Или. Эти четыре человека – мои любимые. Ну а жизнь у меня одна – и история с ними – тоже одна... Да, книга откровенна: я ничего не придумывала и ничего не боялась. Что же касается «нет», то с этими людьми сугубо «личной» территории практически не было, поэтому никаких тайн не существует. У нас всё «личное» основывалось только на творчестве.

Н. Р.: *Вы начали писать «для себя»; первые страницы были посвящены любимым коту и собаке... А как рукопись попала во «Время» – точнее, почему оказалась именно там, случайно? В Москве немало и других издательств.*

И. П.: Да нет, не случайно. Мне кажется, во «Времени» есть некие штучные люди; вообще, ко мне там очень тепло отнеслись. Как-то я в шутку сказала Эдуарду Тополу: «Я теперь тоже писательница, у меня столько-то страниц...», а он ответил: «Если что-нибудь напишете, обращайтесь ко мне. Вы же издателей боитесь? А Бориса Пастернака не испугаетесь, не убежите от него». Я и не убежала... хотя и не писатель. Написать книгу и быть писателем – разные вещи. На самом деле, все началось с моих воспоминаний «о ботиках» и с ватмана, на

³ И. Печерникова (1945–2020) – актриса театра и кино, заслуженная артистка РСФСР. Больше всего снималась во второй половине 1960-х и в 1970-е.

котором были написаны буквы: когда меня только учили обращаться с компьютером, я буквально в ужасе увидела *другой алфавит* (буквы-то в ином порядке расположены на клавиатуре!) – ...и все, ступор, мысли теряются... Потом приноровилась, конечно, и пошло: о Кеше, Флайке... Меня, честно сказать, пугала книга о себе. Зачем о себе, если постоянно спрашивают об одних и тех же людях?.. Ну да, Высоцкий. Даль. Смоктуновский. Тихонов. И я поняла, что обязательно должна рассказать о них. Мне помогала Алла Перевалова – она уйму времени потратила на нашу работу; когда мы творили, я чувствовала, будто мы с ней «одинаковые».

Н. Р.: *Вы вот собираете пластинки с бельканто: Карузо, Джильи... А ищете ли хотя бы подобие бельканто в литературе?*

И. П.: Любовь к опере у меня детства – не знаю, почему. Так чувствую. К тому же, каждый день – он *новый*, понимаете? Например, я могу встать в плохом настроении – ну, сон приснился не тот, – и поставить, скажем, латиноамериканские танцы: день получается «латиноамериканский»... А иногда хочется Рахманинова – Второй концерт. Или Чайковского. Баха. Брамса – 3-ю или 4-ю симфонию... А «бельканто в литературе»... раньше, до православия, мне очень помогал Восток: Лао-цзы, Конфуций... Увлекалась и Кастанедой; всегда, кстати, интересовалась индейцами. Вообще, конечно, духовные книги *приходят сами*. Жаль, что тогда я не знала Библии, Евангелия... Но, в любом случае, и «Дао дэ цзин», и философия йоги всегда помогали. А однажды батюшка пришел освящать мою квартиру и, увидев «не те» издания, сказал: «Это надо уничтожить». Но друзей не уничтожают: эти книги – мои друзья, которые меня когда-то спасли. Однако сейчас я так крепко стою в православии, что не чувствую потребности в эзотерике. Батюшка, помнится, потом смягчился: «Ты нашла свой Дом, и теперь можешь читать в нем любые книги»... Правильно, точно сказал – ведь если человек не нашел Дом, его может увести куда угодно. Сейчас, кстати, читаю Друнвало Мельхиседека – там и атланты, и духи... Интереснейшая информация к размышлению... мы так мало знаем! А у постели лежит книга Ивана Ильина – он мне понятен. Ну и Евангелие. Там ответы на все вопросы.

Н. Р.: *А что из худлита?*

И. П.: На ночь только детективы, такой вот контраст. Иногда – «Маленького Принца». Иногда хочется Грина, Андерсена... его-то в детстве – наизусть!.. Я вам признаюсь: мы с Лешей Локтевым репетировали когда-то Достоевского. Так вот, мне пришлось перечитать «Преступление и наказание», «Бесов»... о, как я заставляла себя! Но лучше я три ноги переломая, только не открою больше Федора Михайловича! И, кстати, Солженицына тоже: не мое, совсем не мое.

Н. Р.: *Ну, Цветаева писала, что без Достоевского она «как-то обошлась»...*

И. П.: В шестнадцать, чтобы подружиться с друзьями брата, я «Бесов» читала. Сейчас мне это не нужно – мне теперь и в фильме конец хороший нужен. Я, знаете ли, свою чашу страданий испила... После 2000-го вся жизнь перевернулась.

Н. Р.: *К духовным практикам приходят чаще всего после серьезных испытаний, обычно довольно жестких: иногда только таким способом можно заставить так называемого Ното Соттйнис, он же Человек Социальный, заглянуть внутрь себя. Вы имеете посвящение в рейки второй степени. Один из постулатов, кажется, «Именно сегодня радуйся»?*

И. П.: «Именно сегодня не сердись!» А началось все в 95-м году. Теперь вот могу лечить кровных, себя, животных, семена, растения... Рассказываю: полтора года назад я вернулась с Мальты и заболела надолго. Тогда и решила позвонить своему мастеру рейки – мне ведь сниматься, а я ни-че-го не могу!.. Так она меня за три дня подняла! С помощью рейки нашла своего кота – Кеша выскочил как-то из машины, убежал... вернула, в общем. А когда летом он у меня чуть не умер – вылечила. Но рейки – никакая не религия, не «секта»... не все знают, много домыслов.

Н. Р.: *Ошо говорил, что «искусство – это низшее из высших». Найти компромисс между творчеством и духовными практиками порой очень непросто – собственно, это один из главных камней преткновения художника.*

И. П.: Я к Ошо очень странно отношусь. Нельзя, конечно, судить просветленного мастера, но, на мой взгляд, он слишком много чего смешал в своем учении. Ему был Дар... он завораживает, но... искусство, это, на мой взгляд, вход в практики. У людей искусства вообще есть некая «дырочка», с помощью которой и происходит этот процесс вхождения. А у обычных людей – нет. Первые приходят к практикам обычно через творчество, вторые – чаще всего через стрессы. Впрочем, в этом вопросе я дилетант, это интуитивно... А Ошо... его книги меня в свое время буквально вытаскивали – и во многом благодаря им я три года продержалась в театре после смерти Михаила Ивановича Царева. Наташа, а мы точно «о том» говорим?..

Н. Р.: *Точно. О том. Ирина, вы снялись в 19-ти кинофильмах, у вас 20 театральных ролей, 5 телеспектаклей. Есть ли мысли (и силы, что важно) сыграть еще где-то – или главное уже сделано? Хотя, смотря что считать главным – может быть, ту же медитацию...*

И. П.: Неизвестно. Судьба неисповедима. Да, мы с Сашей занимались медитацией. Но все это меня не слишком затянуло – я «скакала» по эзотерике; остановилась на Гурджиеве – мне дальше не надо было... Есть, наверное, какой-то охранный знак. А сейчас если я начала день с иконы, знаю: все будет так, как надо. Это – главное.

Н. Р.: *В своей книге «Дожил до понедельника» вы пишете, что работа над фильмом «Доживем до понедельника» – даже не верится, что ему столько лет, настолько он юн и свеж – была и не работой вовсе, а сплошной радостью. А какие эпизоды запомнились больше всего? Были ли какие-то «актерские озарения»?*

И. П.: Да это просто аура Ростоцкого! Я тогда этого ничего не знала – да и сейчас не до конца понимаю... Энергетика Ростоцкого – вот что давало радость. Ощущение энергии счастья. Без границ.

Н. Р.: *Вы – актриса с театральной душой, хотя известность принесла вам именно кино-роль. Фильм Ростоцкого «Доживем до понедельника» – действительно маленький шедевр, стоящий в одном ряду с такими лентами, как «Июльский дождь» Марлена Хуциева или «Короткие встречи» Киры Муратовой. Пофантазируем: если бы в вашей жизни «случилась» такая Наталья Сергеевна, было бы лучше? Нет, не так: что было бы по-другому? Вы пишете, «в старших классах я научилась жить так, чтобы школа мне не мешала»...*

И. П.: Школу я терпеть не могла, потому и стала отличницей – чтобы меня никто не трогал; после уроков была абсолютно свободна. А если б Наталья Сергеевна появилась, я бы, наверное, к школе иначе относилась. И с учительницей такой, конечно, постаралась бы подружиться, но... мою жизнь эта встреча все равно не изменила бы, нет-нет. Вообще, я ни о чем не жалею – всегда ведь был только мой выбор. А если он неправильный, то «не надо пилить опилки» – да, вот так. А муратовский кинематограф мне не близок – несмотря на талант, слишком много рассудочности.

Н. Р.: *Спорно: талант без рассудочности не талант. Именно она является – в идеале – достойной оправой дара... А вы вот в театральном не любите этюды – вас даже чуть не выгнали из Школы-студии МХАТ за «профнепригодность», она же «неформат». Часто ли вы ощущали этот «неформат» в так называемой обычной жизни – там, где не надо играть... или играть приходится постоянно? Как быть, когда душа срастается с некоей ролью – насколько безвредно подобное срастание?*

И. П.: Наш педагог любил высоких, крупных, красивых. Я была другого плана – вот и весь этюд; да что об этом... Беловоронность же мешает только в земных, бытовых делах. Зато людей дарит! На десять жизней хватит!.. О срастании: когда я жила ролью, это было настолько интересно... я не отслеживала, ущербно ли это для меня самой, или нет... То есть что-то в этом, наверное, есть, но я не задумывалась. Слишком поздно, правда, об этом спрашивать.

Н. Р.: *Одним из этюдных заданий было, как вы пишете, «таскать на себе мужчину; вот здесь мне не везло». Не удержусь от банального дамского вопроса: для вас какое из двух зол меньшее – таскать мужчину на сцене или «тащить» мужчину по жизни?*

И. П.: Хороший вопрос, но... У меня все изменилось с появлением Саши. Я восемь лет ждала, когда мы будем вместе. Поэтому «таскать» не пришлось. Мы не надыхались... А если б его не было, сказала бы, что не на сцене. Но Саша – был.

Н. Р.: *Нравится мне вот это у вас: «Повторяю: не надо выходить замуж, если ты замужем за театром». То же самое, в сущности, относится и к «замужеству» на музыке и литературе. Много ли лет потрачено на то, чтобы это понять, и сложно ли было принять подобное «открытие»? Одна ушедшая из жизни писательница иронизировала: «Я четыре раза была замужем, но писала по-настоящему только после разводов».*

И. П.: Хм! А я сначала схожу замуж – потом пойму, надо или не надо было. А в быту... когда происходит ненужное внедрение на мою территорию, я человека отвлекаю – эгоистично, может быть, но что делать... Например, пришел ко мне кто-то «с чем-то», а мне работать надо. Я говорю: «Знаешь, какой у меня фильм! Как, ты не видел? Смотри немедленно!» – в общем, усаживаю, ставлю кассету, ну и так далее. Или, скажем, где-то интересная выставка проходит. Я – гостю: «Как, ты еще не был там? Беги скорей!» – и отправляю...

Н. Р.: *Почти по Чехову: «Мне жестоко мешают, скверно и подло мешают. Пьеса сидит в голове, уже вылилась, просится на бумагу, но едва я за бумагу, как отворяется дверь и вползает какое-нибудь рыло...».*

И. П.: Да. Но некоторым людям я, конечно, могу сказать: «Не приходите, работаю». Близкие знают, что я волк-одиночка. Могу уйти в другую комнату и не выйти. Волчонок такой. Но уединение необходимо.

Н. Р.: *Что-нибудь скажете о нынешнем театре?*

И. П.: Мы с Сашей Соловьевым хотели вернуться. И в 90-е годы бегали на спектакли, как на работу: мечтали найти что-то свое. Не нашли... Уходи понуро. А потом решили делать свою пьесу... Впрочем, я не хочу говорить о спектаклях, на которых была. Но знаете, когда я по фойе ходила, чувствовала: люди истосковались по тому театру, где они получали бы хоть что-то, кроме банального удовольствия... Может быть, я доживу до того времени, когда будут такие спектакли. Однако я не имею права говорить о театре сейчас – много лет не была, не могу судить. Остался лишь осадок тот... надо ведь в театр идти, когда *хочешь*, а я – не хочу. Может быть, в 90-е я чего-то и не углядела, но я счастлива, что застала театр 60-х, 70-х, 80-х годов: да, счастлива. А как-то приглашал меня Арцыбашев – я видела его спектакли: это очень достойно и очень нетривиально в том смысле, что он *держится*. Он ведь к театру относится, как и я: «В оперетту надо ходить, чтобы развлекаться, а в театр – чтобы что-то внутри изменилось»; в какую сторону – не важно. Подпитаться – или уйти от чего-то, отказаться. Но чтобы после спектакля в тебе обязательно что-то произошло!

Н. Р.: *В конце 70-х, когда вы пришли в Малый театр, Царев предупредил, что актеры будут вас «есть». Года два: театр императорский, с традициями. «И у меня такое опасение, что вы съедобная», – добавил. Часто ли подобное «сыроедение» вам мешало?*

И. П.: Театральная мелочь. Ерунда. Люди, которые со мной работали, становились потом моими друзьями. Вообще, когда много работы, когда мысли заняты ролью, узнаешь все позже... когда уже не важно. И никакой Малый театр не особенный в этом смысле – все театры одинаковые.

Н. Р.: *Вас называли «33 несчастья». Если же посмотреть на них с высоты так называемой нынешней колокольни, то каждое ли из них вы назовете теперь именно несчастьем?*

И. П.: Когда я сломала обе ноги (пять переломов), «Доживем до понедельника» выпустили после цензуры на экран. Я, наверное, тогда могла бы не выдержать всех этих «медных труб»... Вот и лежала пять месяцев; приходили самые близкие, приносили книги, пластинки...

Я получала столько писем! С тех-то самых пор и начала задумываться, а почему я сломала руку или ногу – не тем чем-то занялась, значит, не о том подумала... Однако все мои 33 (нет, 133!) несчастья должны были случиться – боль трансформирует человека. Вот старцы много пишут, зачем человеку болезнь: да, боль... но потом она переходит в другие мысли. Люди становятся другими.

Н. Р.: *Дурацкий вопрос хотите?*

И. П.: А задайте.

Н. Р.: *Ок. Если бы «случилась» еще одна жизнь, что бы вы изменили – и изменили бы?*

И. П.: Я бы попросила у всех прощения. А все, что было со мной, – это СО МНОИМ было, и точка. Это МОИМ выбор. Осознанный.

Н. Р.: *В вашей книге есть интересный портрет, точечный.*

И. П.: Да... Это Юры Богатырева... Съемки «Мартина Идена» уже шли, а у меня был срочный ввод – и дали всего три дня... Мы у Юры в общежитии театра «Современник» разбирали сцены; актеры-то уже работали месяца два. Так вот, я приходила к нему, как сумасшедшая, и говорила: «Юра, это же *литературный* текст! Мы должны думать о том, что делаем, как смотрим друг на друга – думать о самих действиях!» – а он со всем соглашался... и рисовал: точечками, так вот... Вообще же мы сделали девять портретов Руфи; одну – любимую – у меня украли.

Н. Р.: *Вы с огромной теплотой пишете о зверях. Что для вас они, эти «больше, чем люди»?*

И. П.: Было время, когда я думала, что животных люблю больше людей. За исключением Флайки, всех своих зверей я подбирала. Я ведь всю жизнь хотела собаку; но так как мы жили сначала в десятиметровой комнате впятером, это было невозможно. В 14 лет появилась двухкомнатная квартира, а собаки все не было. Но однажды... приезжаю я со съемок, а папа мне: «Осторожно, там что-то черное...» – это была Блэки, невероятной доброты двортерьер... невозможно не любить! Когда я уезжала на гастроли, она, увидев чемодан, уходила – не терпела моих отъездов... А потом: июнь. Свердловск. Съемка. Меня с утра «крутит», и вот я перед спектаклем дозвонилась-таки домой... мама же врать не умела: Блэки не стало... а мне играть комедию Островского «Красавец-мужчина»! Говорят, хорошо сыграла... Потом уже, когда подходила к гостинице, увидела, что на парапете лежит... *моя Блэки*, и на меня смотрит... Кожа да кости! А на дворе 71-й год – не то что животным бездомным, людям есть нечего. В общем, подобрала я собаку: Ивкой назвала... А Флайку купила на Птичьем, хоть и грустное это место. Он на меня буквально «упал» – у хозяйки был воротник поднят, а в нем – щенки... так вот Флай на меня и свалился... Американский кокер-спаниель. Ну а кот Иннокентия принесла со двора, когда котята под зиму родились...

Н. Р.: *Вас часто называют «женщиной-девочкой». Какие из детских воспоминаний вы пронесли через всю жизнь – точнее, как они повлияли на ваше творчество и повлияли ли?*

И. П.: Я очень мало видела маму с папой, и в воскресенье мне разрешали ложиться между ними в кровать... И тогда папа мне рассказывал сказки по заказу, абсолютно волшебные. И я верила в чудеса – абсолютно реально верила в чудеса... А так как они случались, я в них верю до сих пор: это в профессии очень помогает. У меня чудная, добрая семья. Наверное, все от этого и идет. И образ «женщины-девочки» в том числе.

Н. Р.: *И напоследок: главное слово в жизни – слово, которое вело, ведет. Или фраза. Есть?..*

И. П.: «Завтра наступит завтра».

17 сентября 2008

Маленький Принц

на планете взрослых недорослей

Она снялась в девятнадцати кинофильмах и пяти телеспектаклях, сыграла двадцать театральных ролей. Журналисты измучили ее вопросами, «любила ли она Высоцкого» и «в каких отношениях была с Олегом Далем» (а также Вячеславом Тихоновым, Иннокентием Смоктуновским и пр. и пр.) – впрочем, об этом лучше прочесть в книге⁴, которая и написана-то была отчасти под натиском газетчиков, подтолкнувших Ирину Печерникову к мемуарам: «Я никогда не собиралась писать книгу: я – актриса! Начала сначала для разгона – о коте и собаке».

Она вязала в театре, хотя это и считалось плохой приметой – вязала, чтобы за нарочитым счетом (вслух, вслух) петель уйти от того (в самом прямом смысле: уйти, когда к тебе подходят не те и не с тем), что называется «театральными новостями», в просторечии – сплетнями. «Во время нашей первой встречи Михаил Иванович (Царев. – *Н. Р.*) предупредил, что это императорский театр и здесь так полагается – два года меня будут есть». «И у меня такое опасение, что вы съедобная» – с такими словами встретили ее в конце 1970-х в Малом академическом, на что Ирина ответила: «Как я понимаю, работы у меня будет много, а когда я работаю, меня все остальное мало трогает, я ничего не замечаю и все узнаю только через энное количество лет».

На сцене ей было всегда – ну или почти всегда (сколь же много скрывается подчас за этим, еле припудренным от отчаяния, «почти»!) – интереснее, чем в жизни: «Театр – это то место, где должна происходить подпитка души»: иначе – зачем?..

Она кое-что знает про буддизм и имеет посвящение в рейки второй степени: «Теперь я могу работать над ситуацией на ментальном уровне. Очень рада, что в моей жизни это есть: молитва – это сердце, только им можешь пробиться куда-то и помочь себе. Но рейки – не религия. Это новое восприятие жизни». Да, той самой, которая, по словам актрисы, «страшна отношением к так называемому народу со стороны тех, кто сверху. Пока не пройдет это смутное время, ничего не изменится. Будут прибавлять по сто рублей пенсии и об этом очень много говорить».

Она обожает собак, кошек, лошадей, дельфинов. Она по-прежнему собирает себя по кусочкам, пытаясь восстановиться: трагедия, произошедшая в 2000-м, наложила отпечаток на всю дальнейшую жизнь. «Довольно! Она живая! Ну нельзя же так!» – ну да, это уже о вороне, которую ловил весь класс в незабвенном «Доживем до понедельника» Станислава Ростоцкого. «Довольно! Она живая!» – а это уже о Печерниковой: красивых и талантливых, как известно, так называемый слабый пол тихо ненавидит, а так называемый сильный – почему-то боится, а посему... «Она скорее Маленький Принц на планете взрослых недорослей. Ее дразнили: „33 несчастья“. Вы поймете, почему. Ей задавали вопрос: „Как вы выжили?“ Вы поймете, почему. Послушайте ее истории. Такого вы больше ни от кого не услышите» – так представляет эту женщину-девочку Алла Перевалова, сделавшая литературную обработку текста дожившей до понедельника кинолегенды.

«Хорошую литературу видно сразу. Я знаю, эта хрупкая женщина может поднять очень крупный литературный вес», – сказал на презентации книги Эдуард Тополь, а актриса Валентина Асланова добавила: «Очень многие актерские мемуары читать просто невозможно; у Ирины же – ровно наоборот: и даже с метафорами». Что ж, если «пронзительного» стиля не

⁴ Ирина Печерникова «Дожил до понедельника»: Время, Эссе опубликовано в «НГ-Экслибрис» 18.09.2008: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-09-18/7_princ.html.

бывает, то у Печерниковой он все-таки есть – и в «цитатной защите» (см. выше), собственно, не нуждается.

2008

Виктор Топоров «Небесное жюри смеётся последним»

Знаменитый провокативной «детской непосредственностью» в освещении того, что называют райтерствующими и соболезнующими большой литературой, она же в просторечии бол-литра́, санкт-петербургский «литтеррорист», он же литхирург Виктор Топоров⁵, – читателям «Независимой газеты»: о моде, погоде да вкусах влюбленного в книги большого ребенка, положить которому палец в рот – читай: вложить в его мозг свой новый текст – решится не всякий «в поте пишуций, в поте пашущий». *Поэта, играющего в критика, которого все боятся, не побоялась разговорить*, – как писали тогда в газете, – *играющая в слова Наталья Рубанова*⁶.

Наталья Рубанова: *Виктор Леонидович, статьи ваши неизменно вызывают полемику. «А Топоров вообще как – вменяемый? Ну, адекватный?» – спросила меня адекватная вменяемая барышня, когда я вернулась с прошлогодней церемонии «Нацбеста» в Москву, в Москву...*

Виктор Топоров: И что ответили?

Н. Р.: *Сыграла в нотариуса: подтвердила дееспособность. Но давайте-ка танцевать от печки: что для вас – слова? Буквы? Их внутренняя жизнь, энергетика, сила – и немощь? Спрашиваю с корыстной целью: дозу вашего всамделишного, праведного – и «понарошного» – яда, выпущенного в истекающие как кровью, так и клюквенным соком шкурки пишуций, вычислить хочу...*

В. Т.: Говорят обычно так: «Топоров, разумеется, сумасшедший, но это его ни в коем случае не оправдывает...». Вообще вы тоже как-то меня не так себе представляете. Как будто я существо с вынесенной наружу внутренней секрецией. Был такой фантастический роман полвека назад. Существо жалит тебя и постепенно высасывает все соки. Ну а ты превращаешься, соответственно, в кучку дерьма. Но это, прошу прощения, не мой метод. Я подхожу к литераторам (поэтам, прозаикам, переводчикам, да и коллегам критикам) со всем уважением. Даже когда спрашиваю у иного из них: ну, а зачем ты, идиот, зачем ты, невежда, зачем ты, бездарь, в литературу-то полез? А что спрашиваю я такое часто, так это тоже суровая правда жизни – она же, как выражаются наши говнофантасты, у которых я спрашиваю это особенно часто, закон Старджона.

Н. Р.: *Что для вас качество текста? Критерии. И еще: будет ли ужесточен отбор нацбестовских рукописей? В 2010-м, будучи в Большом жюри, имела честь прочесть несколько чудо-юдных нетленок... Неужто в пресловутой боллитре и впрямь настал «час фрика»?*

В. Т.: Критериев нет; вернее, они не поддаются формализации – даже от противного. По каким критериям могла бы получить «Букера» Колядина? Или Чижова? И, казалось бы, уж или Колядина, или Чижова... Колядина сейчас, кстати, «журит» «Нацбест» – и прекрасные рецензии пишет: разумные, веселые, доброжелательные... Ужесточить отбор означало бы пожертвовать демократичностью и плюрализмом на этапе выдвижения. Произойдет ли это? Не знаю. Мы намерены провести два совещания с общественностью (вроде недавних по премии «Поэт», только, по возможности, без такого же количества глупцов и шкурно заинтересо-

⁵ В. Л. Топоров (1946–2013) – критик, публицист, переводчик, поэт. Публиковался в ведущих отечественных СМИ и литжурналах, вел колонку в «ЧасКоре», в «Городе (812)», на сайтах «Фонтанка.ру» и «Актуальные комментарии». Автор книг «Двойное дно. Признания скандалиста» (1999), «Похороны Гулливера в стране лилипутов» (2002), «Руки брадобрея» (2003), «Жесткая ротация» (2007) и пр. Автор статей издания «Новейшая история отечественного кино. 1986-Кино и контекст». В 2000–2005 гг. – главный редактор издательства «Лимбус Пресс». Член СП Санкт-Петербурга, академик Академии русской современной словесности, инициатор и ответственный секретарь Оргкомитета премии «Национальный бестселлер», лауреат премии «Человек книги» в номинации «Главный редактор» (2002).

⁶ Текст беседы публикуется здесь в первой редакции Топорова (весна-2011). Интервью в «НГ-Экслибрис» (в некотором сокращении), 12.05.2011: https://www.ng.ru/person/2011-05-12/2_jury.html.

ванных лиц), и только после этого определиться с дальнейшими изменениями регламента и/или уточнениями самой концепции. Что же касается «часа фрика», то если вы, Наташа, считаете, будто «Сперматозоиды» – нормальное название для романа, напечатанного в журнале «Юность» и премированного там же, то...

Н. Р.: *Нормальное. Все люди, по словам моей героини, – просто добежавшие сперматозоиды, но речь не о них. А вот ведь пафосная в этом году задумка – выбрать «книгу десятилетия»... И что с ней делать потом?*

В. Т.: Это не моя задумка, а К. В. Тублина: его идея, его бензин, его страсть, а с моей стороны только информационная и организационная поддержка. Это ведь не лучшая книга десятилетия (такую как раз выбрать можно), а лучшая из тех десяти, что выигрывали нашу премию в прошлые годы. Девиз «Нацбеста» – «Проснуться знаменитым». И вот кому-то одному (или двоим, если это Гаррос / Евдокимов) будет предложено проснуться еще более знаменитым, чем раньше. На мой взгляд, это не столь пафосно, сколь концептуально неточно. К тому же, нескольким нашим лауреатам прошлых лет уже обломилась сопоставимая по сумме «Большая книга», вышеупомянутый творческий дуэт распался, книги формата «ЖЗЛ» (одна из которых – о Пастернаке – у нас победила в 2006-м) не допускаются к конкурсу по регламенту, правда, задней силы этот закон не имеет, а очевидный фаворит Пелевин почти наверняка проигнорирует церемонию. Но зато у нас, как всегда, все будет честно.

Н. Р.: *Кто из живых (в литсмысле – немертвых) авторов представляется вам перспективным издательским проектом – проектом в лучшем смысле слова? Не секрет, что без продвижения продается книга, причем и книга талантливо написанная, с трудом... Кого «сдадите»?*

В. Т.: Честно говоря, не уверен, что это так. Ну, кроме очевидных и декларируемых случаев вроде проектов «Поплита». Напечатай книгу сразу большим тиражом – и она окажется вдвое дешевле своих подруг и товарок. Вот толстенная книга Улицкой, изданная 200-тысячным тиражом, стоила 150 рублей, да и продавалась повсюду. А выйди ваши «Сперматозоиды», их поставят в пять магазинов Москвы и один Питера по цене в 400 рублей. И никаких вливаний, никаких технологий; все, Ватсон, элементарно. А почему такими стартовыми тиражами печатают Улицкую, Пелевина, Акунина, еще кого-нибудь, – ну, заслужили. Сами, что называется, без ангелов. Эффективная раскрутка (с телевидением, метрополитеном и растяжками на улице) предполагает затраты, отбить которые в принципе невозможно: вот и думайте, насколько она на самом деле эффективна. Если, конечно, абстрагироваться от чисто имиджевого аспекта.

Н. Р.: *В чем, на ваш взгляд, «добавленная ценность» этих авторов?*

В. Т.: Каких таких авторов? Пелевин цепляет политизированную аудиторию и объясняет ей, почему не только политика, но и политизированность – иллюзия. Улицкая пишет для евреев, полужевреев и, может быть, четверть евреев – ее тиражи куда точнее результатов недавней переписи «по пятому пункту». Акунин работает с политизированными евреями, честно внушая им, что на самом деле они такие аполитичные русские патриоты. Улицкая и Акунин (а еще Стругацкий), вдобавок, переписываются с Ходорковским, но, думаю, пиарщики бывшего ЮКОСа сочиняют письма не только за своего героического сидельца, но и за его литераторствующих оппонентов...

Н. Р.: *Без комментариев. Ок, вернемся к нашим талантам. «Современная проза убыточна», считают издатели, сворачивая серию за серией, ну а пишущие писатели хоть и дергаются, но сделать ничего не могут: их боллитра некоммерческая. Один издатель сказал недавно: «99 % авторов, которых нам предложили, уже давно непопулярны или коммерчески пусты. Если их книгами завален интернет, то есть книга есть в наличии и продается 5–7 лет, это показатель того, что тираж мертв. Я сторонник теории, что если книга хороша, 3 000 экземпляров должны уходить в полгода, то есть говоря бизнес-терминологией, в средне-*

срочный период. Год и более (долгосрочный период) – это почти возврат инвестиций в книгу без получения какой-либо существенной прибыли, а то и в убыток». Прокомментируете?..

В. Т.: Цифры почти правильные, но устаревшие: так дело обстояло десять лет назад. Трехтысячный тираж, разойдясь за четыре месяца, давал прибыль; разойдясь за год, позволял уйти в ноль. Это, кстати, цифры не только наши, но и западные – книжных супер- и гипермаркетов. Однако на Западе есть и другая схема реализации: через магазины узкого профиля, книжные клубы и т. д., что позволяет отбить на книгах «долгие деньги» (относительно долгие, а главное, относительно деньги). У нас и издательский процесс, и реализация предельно монополизированы – не только чужому автору, но и чужому издателю сюда не сунуться. Противостоит всему этому разве что «Фаланстер» с его духовными детищами в Питере, в Перми и в некоторых других городах. И два-три издательства – «Ад Маргинем», «Лимбус Пресс», какое-нибудь «Колибри». Издать – и продать – книгу трехтысячным тиражом они могут (а то и тысячным); более того, они их-то и издают, но им это коммерчески неинтересно. Каждый раз хочется продать тысяч так 10–15, а получается это один раз из десяти. И стоит такая книга все равно вдвое дороже детищ «Эксмо» или «Астрели».

Н. Р.: *Лирическое отступление, оно же бульварная пауза: ремесло критика подтачивает как душевное, так и физическое здоровье «судей»: вредная работенка, все знают. Стоит лишь взглянуть на какого-нибудь ведущего зоила... диагнозы на лице. А чем спасаетесь вы от соблазна опустить / возвысить автора легким движением руки?*

В. Т.: Кого, собственно, вы имеете в виду? У меня с лицом вроде бы все в порядке. Да и у других критиков, включая даже моих ровесников и ровесниц, тоже. С головой – это да, хуже. У всех хуже. Я и сам чувствую, что глупею. Но все же не так стремительно (иные и не так катастрофически), как все остальные. А опускать / возвышать авторов – это для критика нормально. Главное не забывать о том, что тобой «опущенный» тебя сразу же раз и навсегда возненавидит, а тобой «возвышенный» совершенно не обязан проникаться к тебе признательностью, особенно на всю жизнь. В литературе вообще нельзя говорить «спасибо» – только «пожалуйста». Вот дали тебе премию – значит, поблагодарили тебя за книгу. Они поблагодарили, а ты им что, «спасибо на спасибо» говоришь? Нет, говори «пожалуйста».

Н. Р.: *Виктор Леонидович, я имела в виду то, что читается на лицах между строк: и к бабке не ходи... ну да ладно. Говорят, бог создал зло, чтобы завязать сюжет. А что вы подразумеваете под «литературным гестапо»? Помните свою статью «Чем мне запомнится литература 2000-х»⁷?*

В. Т.: Вы несколько передергиваете. Я говорил не столько о «литературном гестапо», сколько о городских партизанах, каковыми являются все настоящие писатели, независимо от направления, жанра, возраста, пола, национальности и много чего еще. Городские партизаны действуют (ну, или, увы, почти бездействуют), а литературное гестапо их преследует, ловит, убивает при задержании, пытается, вешает или подкупает, запугивает, перевербовывает... Весь литературный истеблишмент – такое гестапо; здесь без иллюзий... Сказал это и подумал: а сам-то я кто? И получилось, что я начальник контрразведки городского партизанского отряда. Хотя чего уж там городского. Федерального. Как минимум, на две столицы.

Н. Р.: *Господин начальник контрразведки, вы впрямь считаете, будто двух-трехлетнее молчание грозит «партизану» забвением? Но нужна ли ему здесь и сейчас сомнительная память масс, если говорить о Тексте и об Авторе, а не о паралитературе и забавно сконпонованных «литсборных», до которых мировой литературе (не боллитре), если по гамбургскому, – смею думать, нет дела?..*

В. Т.: Э, Наташа, поменьше пафоса. Если провиденциальный собеседник вас целиком и полностью устраивает, то и на сторону ходить не обязательно. Пишите в стол. Хотя, с другой

⁷ Город 812, СПб.: <http://rus.ruvr.ru/2011/01/31/42065491.html>.

стороны, почему бы и не сходить – провиденциальный собеседник, знаете ли, не ревнив. Или, вернее, ревнив, но как-то по-другому... Небесное жюри смеется последним.

Апрель 2011

Вместо PS. Топоров!

С его уходом на невидимый план литкритика заметно потускнела: никто из ангажированных зоилов никогда не сможет, как он. И не посмеет: кишка ментальная тонка. Как уместить в хронометраж газетной колонки все то, что сделал «начальник контрразведки городского партизанского отряда... хотя, чего уж там городского. Федерального! Как минимум на две столицы» (цитата из письма Топорова, адресованного мне в 2011-м; именно так он обозначил свое место в цирковой ложе современного литпроцесса).

Новая книга знаменитого критика, публициста, переводчика и поэта Виктора Топорова «Двойное дно»⁸, выпущенная в издательстве «Городец», – это воспоминания литератора-скандалиста с пресловутым двойным дном: «человека выдающегося ума, уникальной эрудиции и беспримерного остроумия», как уточняется в аннотации для тех, кто не имел чести знать автора лично. Его ненавидели, его боялись, его боготворили, его обожали, его..., его..., его..., тчк. Мне повезло: мы были знакомы и несколько раз (до сих пор жалею, что мало) пересекались.

Как-то, в начале 2000-х, я поехала в Петербург. Просто так – и все-таки с рукописью. Разделила ее на две части: одну отнесла в «Лимбус». Град со снегом, град с дождем... премилая погодка Северной Венеции, оляй! *Некто* в черном пальто с капюшоном; зонта нет – с капюшона капают слезы дождя, который случается только в Санкт-Петербурге, и нигде больше... В несколько бомжеватом виде я открываю издательскую дверь и, о чудо, меня принимают. Редактор берет папку с текстами и как-то странно на меня смотрит: я, разумеется, осознаю, что он думает о таких вот ходаках, и быстро ухожу – в град со снегом, в снег с дождем, а через пару дней раздается звонок: рукопись нравится, редактор покажет ее самому Топорову (спустя несколько лет с легкой руки Виктора Леонидовича выйдет моя книжка «Коллекция нефункциональных мужчин», которую тут же услужливо «распнет» *другая критика*, забавно).

Топоров говорил, повторяю: «В литературе нельзя говорить *спасибо* – только *пожалуйста*. Вот дали тебе премию – значит, поблагодарили тебя за книгу. Они поблагодарили, а ты им что, „спасибо на спасибо“ говоришь? Нет, говори „пожалуйста“». Или: «...опускать / возвышать авторов для критика нормально. Главное не забывать о том, что тобой опущенный тебя сразу же раз и навсегда возненавидит, а тобой возвышенный не обязан проникаться к тебе признательностью, особенно на всю жизнь». *Настоящих писателей* называл *городскими партизанами*: «...независимо от направления, жанра, возраста, пола, национальности и много чего еще. Городские партизаны действуют (ну, или, увы, почти бездействуют), а „литературное гестапо“ их преследует, ловит, убивает при задержании, пытается, вешает или подкупает, запугивает, перевербовывает... Весь литературный истеблишмент – такое гестапо; здесь без иллюзий».

«Могу ли отправить вам свой новый роман? Называется „Сперматозоиды“⁹...» – «Женщина высылает мужчине *сперматозоиды*?!! А впрочем, почему бы и нет – в наш горестный век?» – переписка наша с Топоровым дорогого стоит... впрочем, к чему эти воспоминания?

⁸ Эссе автора этих строк о книге В. Л. Топорова опубликовано в «Литературной газете», 05.02.2020: <https://lgz.ru/article/-5-6723-05-02-2020/toporov/> («Топоров!»).

⁹ Н. Рубанова, роман «Сперматозоиды»: Эксмо, 2013.

Все просто: к переизданию топового «Двойного дна»¹⁰. Все кричат о новинках, а надо просто переиздать. Лучшее. Оно – есть.

26.12.2019

¹⁰ В. Топоров «Двойное дно»: Городец-Флюид, 2020.

Мишель Уэльбек¹¹ «Я не такой уж депрессивный тип!»

– Что там у вас происходит во Франции?

– Да ничего почти не происходит.

Из беседы с М. У.

В экс-life, шестой весной нового тысячелетия, в Московию прилетел Мишель Уэльбек. Литжизнь града-государства, не верящего слезам, на неделю будто б споткнулась: сей конкуренции не выдержал ни один «наш» автор. Г-на Уэльбека пригласили встретиться с публикой в большой аудитории Политехнического музея, повидавшей литераторов, называемых ныне «легендарными», хотя это, разумеется, спорно: эстетические притязания у всех разные. Однако-с зал был полон, ну а мне повезло оказаться в нем¹².

* * *

...он не собирается бросать курить, а еще – обожает читать и спать: даже не знает, что из – больше. Он когда-то стал агрономом лишь потому, что не понимал, кем хочет стать на самом деле. С годами *сие* прошло. У «возмутителя мировой общественности», упакованного в уютные, слегка помятые брюки и джемпер цвета рыжеватой осенней листвы, слабые глаза: вспышки многочисленных фотоаппаратов мешают, и он говорит об этом: фанаты и эсмэишники отступают. А через час ему прощаешь даже то, что он не любит Набокова: «Да, я считаю его манерным. Он нервирует. Я не могу его читать, он меня раздражает очень быстро, ничего не могу поделывать...» (скорее всего это происходит оттого, что Уэльбек, как ни парадоксально, *решил* для себя, будто автору непозволительно издеваться над читателем). Или издевку над собственным творчеством / криэйторством (as you like), впрочем, искреннюю, – тоже прощаешь: «Когда-то я мечтал, чтоб мои книги продавались, искал успеха. Но когда ты заработал достаточно денег, можно и остановиться. Но, увы, это невозможно. Двойное отношение к...» – впрочем, не писать он уже не может: коготок-то увяз. Он не осчастлививает ответом незнакомку из зала, полюбопытствовавшую, была ли в «жизни звезды» такая женщина, как Валери из «Платформы»: «В ответ на *такие* вопросы я всегда вру... – улыбается „звезда“, слегка разводя руками. – Но поскольку вы так милы... Не буду отвечать! Впрочем, был прообраз, и я им вдохновился...».

Уэльбека, приехавшего в Москву (как уже отрапортовали СМИ) якобы для того, чтобы на примерах столичных магазинов «изучать классовое расслоение россиян», – автора текстов, благодаря которым он был «удостоен» судебных исков, – часто оправданно называют пессимистом, одним из самых мрачных писателей эпохи цинизма нескончаемой Кали-юги. Сам же Мишель Уэльбек обозначает себя «активным пессимистом» и зачем-то уверяет нас: «Я не такой уж депрессивный тип! И я довольно часто улыбаюсь. Это происходит безотчетно». Что же касается российского классового расслоения, то у Мишеля Уэльбека «нет четкой методики» для описания *этого*: «Я не социолог, я только играю в него – однако мне бывает интересно, что же происходит в другой стране: поэтому-то я здесь».

¹¹ Мишель Уэльбек – поэт, прозаик, эссеист, лауреат премии «Ноябрь» за роман «Элементарные частицы» (1998), премии «Интералье» за роман «Возможность острова» (2005), Гонкуровской премии за роман «Карта и территория» (2010). Один из самых читаемых в России французских авторов.

¹² Это эссе опубликовано в «Октябре», № 7 / 2006: <https://magazines.gorky.media/october/2006/7/vozmozhnostuelbeka.html>

Пожалуй, именно любопытство и подвигает автора нашумевших романов и – совершенно простых – стихов (которые он, по признанию, пишет нерегулярно, время от времени) заниматься тем, что называется *встречами с читателями* (но это вам не какой-нибудь литвечер, на который вы пришли по необходимости). «Лежа на полу, я смиренно слежу за восходящим солнцем», – читает он наизусть на ласкающем слух французском; периодически пьет минералку и снова читает, читает, читает стихи... я смотрю на экран, где для меня и таких же, как я, невежд – перевод: «Прикосновение женских рук лишено всякого смысла. Однако по-прежнему желанно», «И так будет продолжаться день за днем до самого конца мира...». Как верно подметил саркастичный ведущий Евгений Бунимович, чтобы в двадцать-то первом веке слушали твои стихи в большой аудитории Политехнического, надо написать кучу романов. Таких, знаете ли, романов!.. Да чтобы все закачались.

Кстати, *о всяком разном*: тема секса в прозе г-на Уэльбека периодически не давала покоя то одному, то другому сидящему в зале. «В моих книгах так много секса потому, что „это“ – тоже отражение жизни, а отражение жизни – одна из функций романа. Если „это“ важно в жизни, „это“ должно быть выражено и в литературе». Однако народ на сем не успокаивается: «Что вы делаете, – язвит Бунимович, читая записку (особенно умиляют его подписи типа „Спасибо, Ольга“), на что каждый раз бурно реагирует, – чтобы привлечь внимание понравившейся вам женщины?» «Не знаю, мне никогда этого не удавалось. Не нашел я методики. Не знаю...» – отвечает честно Уэльбек. Чем будоражит как зал, так и ведущего: «Я думаю, это самое важное признание, которое мог сделать Мишель Уэльбек в России!» – смех сквозь слезы. Но дальше – больше. Кто-то интересуется, часто ли посещают писателя влюбленности, на что тот отвечает: «Народу много, а тема довольно интимная...» – в зале постоянно посмеиваются. В зале комфортно, и даже разговоры о смерти, о которой так часто пишет Уэльбек и которая осталась, пожалуй, его единственным табу (только над ней он еще не смеялся), не вызывают приступа раздражения вопиющей вселенской несправедливостью. В вопросах же морали (ничто человеческое не чуждо) он называет себя учеником и верным последователем Шопенгауэра и считает само понятие «мораль» метафизическим.

Далее следуют псевдопровокации: «Человек – это мерзко? Ничтожно? К кому вы обращаетесь в своих книгах?» «К людям. Пока, – пожимает плечами тот, чье имя навсегда будет связано с запахом скандала. – К любому существу, умеющему читать. Это не шутка. Но я не настолько люблю людей: можно было изобрести чего-нибудь и получше». А люди не отстают: «*Кто* вы в вашем „Мире как супермаркете“? Продавец, товар, бренд?» «Я всегда с клиентом себя ассоциировал, – склоняет голову. – Я... в общем... да... Продаюсь в супермаркетах... Стихи, карманное издание такое... И я рад этому».

Без вопроса о смерти литературы (смерти автора, etc.) тоже, как водится, не обходится ни одно «приличное сборище» с писателем в главной роли. «Современная литература умерла?» – допытываются умники. «Современная литература не умерла. Я же есть!» – смеется смиренный автор, а потом слегка озадачивается. Любопытство народа нашего, так полюбившего считать чужие деньги, неистребимо: теперь вот у Уэльбека спрашивают, на что он потратит свой гонорар в миллион евро. «Э-э...» – тянет. Вопрос застает врасплох, и на помощь приходит ведущий: «Мишель же сказал, что будет ходить у нас по магазинам – значит, от гонорара ничего не останется!» Однако у Уэльбека есть более нормальные желания, нежели спускание «бабок» в столичных «шопах»: он хочет построить дом, который соответствовал бы именно его представлениям о доме. Признается, что очень любит архитектуру и, если б не писательская карьера (здесь именно это слово), то непременно стал бы архитектором, хотя... на самом-то деле, положила руку на сердце, не очень уверен: «Не знаю... Моя первая профессия – приходиться в издательские дома; меня издатели *принимали*... И ничего другого я бы придумать не смог. Если б от писательства меня спас статус чиновника, ничего хорошего из этого бы не вышло. Мне повезло. Очень повезло...».

Потом кто-то с маниакальным любопытством поинтересовался, что все-таки может быть страшнее смерти. «Страдание страшнее смерти, это же совсем просто...» – пожимает плечами Уэльбек и, отвечая еще на какую-то банальность, говорит о том, будто одну нелепую фразу, использованную в новом романе «Возможность острова», вычитал в женском журнальчике. Вот она: «Жизнь начинается в пятьдесят, а заканчивается в сорок», – и Уэльбеку хочется довести все до полного абсурда, что он и делает, приподнимая маску, которой *вроде бы и нет*: «Ох, как бы глупость не сказать...». Он естествен, это подкупает – быть может, именно поэтому личная жизнь писателя не дает никому покоя. И вот уже кто-то безумно хочет знать, важнее ли для г-на автора «острота чувств или гармония с любимой», а также «мир внутри себя или гармония в государстве».

Нетрудно догадаться, что для Уэльбека «частная жизнь гораздо важнее всякой политики; взаимоотношения – самое главное». А какой-то особо одаренный читатель, не избежавший укола Бунимовича, поинтересовался, почему же роман «Платформа» назван «Платформой», *хотя в тексте этого слова нет*? «Как внимательно вас читают!» – смеется ведущий. «Потому что, – спокойно объясняет Уэльбек, – в книге больше всего мне нравится эпизод (за исключением последних страниц, конечно), когда рассказчик видит маленького мальчика, поднимающегося на платформу и не решающегося прыгнуть... Это ведь еще и от поэтической платформы, фантасмагорической...».

Мировая политика в отношении нашей необъятной страны мало занимает автора; он обходит молчанием вопрос «о негативном отношении Запада к России» и геополитике: «Я не очень информирован... Я вообще не понимаю, что это за геополитические интересы...» – смех в зале, переходящий в вопрос об успехе. «Поначалу, – говорит Уэльбек, – кажется, что ты только из ТВ вылез. Странно! Все смотрят на тебя как на не знаю что... *И тебя нельзя потрогать*... Странное ощущение». Дознание же о писательском отпуске не отличается оригинальностью, как, впрочем, и большинство ответов Уэльбека, что не делает вечер тем не менее ни капли скучным: «Я читаю. Стал недавно водить машину. Приятно поехать по городкам Франции, они очень милы... Много времени играю со своей собакой...».

Под занавес кто-то задает вопрос о пресловутой свободе творчества: «Что делать, если другой автор использует тебя в качестве персонажа... как Бегбедер?» «В конце концов к этому привыкаешь и даже перестаешь читать... про Бегбедера я не знал даже!» – удивляется Уэльбек. Что же касается другой «свободы», то многих занимал вопрос, каким образом роман «Возможность острова» попал к критикам раньше, нежели в продажу. «Понятия не имею, – разводит руками Уэльбек и смеется. – Предательство! Но это не я, не я – точно!».

А самый последний интерес зала был вот каким: «Мишель, что вы думаете о расселении в космосе? Необходимо ли бегство от земных проблем?». Как оказалось, Мишель, хотя особо о том и не думает, однако относится к сему крайне положительно: «Прекрасная мысль! – восклицает он. – Я бы с удовольствием и сам. Но есть некоторые технические проблемы... Да и скорость света накладывает ограничения... А было бы прекрасно! Хотя... эта проблема сложнее даже проблемы смерти...».

P. S. Мсье Уэльбек обещал автографы. Понимая, что просить закорючку у знаменитости по меньшей мере дурной тон, я тем не менее попала на удочку «разглядеть мэтра поближе». И разглядела: чудом не задавленная двинувшейся на меня некоей пышной Russian Woman, я в миг оказалась плотно прижатой к столу, за которым уже сидел Уэльбек, и поймала на себе его усталый взгляд. «*For Natali*» – выводит он на только что купленной мной книге тонким капиллярным стержнем.

«Я живу для того, чтобы Борхес мог писать свои книги»: это высказывание Борхеса часто цитируют. И, как бы ни был циничен Уэльбек, боюсь, он думает то же самое. Срывает аплодисменты, между прочим!

17.04.2006

Парадоксы Уэльбека

Не перестаешь приятно удивляться афористичности г-на Уэльбека, сравнившего наш мир с банальным супермаркетом, а людей / людиков – и с товаром, и с покупателем в одном флаконе. Сборник эссе культового европейского писателя «Мир как супермаркет»¹³, выпущенный издательством «Ag Marginem» (серия «Спутник»), попал в руки автора этих строк лишь год спустя после выхода в свет: тогда же все затмила его «Платформа», которую в чем только – как и почти все талантливое – не обвиняли. Здесь уместно вспомнить «Тюремную исповедь» Уайльда: *«Каждым своим неординарным поступком мы наживаем себе врага. Чтобы завоевать популярность, надо быть посредственностью».*

Однако чем-чем, а посредственностью г-н Мишель точно не является (как ни скалили бы зубки с зубищами иные критикунки и критикесски), преподнося как «офисным крысам» мегаполисов (самая – несмотря на компьютерный «зрительный синдром» – читающая аудитория, позволяющая себе покупать книги от раза в неделю), так и провинциальным обывателям / мечтателям / ...-лям/ ...-лям портрет их израненного ничтожества (возможны варианты во всей красе). И, быть может, именно поэтому столь яростно машут руками некоторые-тоже-пишущие, сравнивая приятное лицо г-на Мишеля с... «вареным пельменем» (цитирую некую Нат. Бабинцеву: уж фамилья-то для слога такого подходящая больно!) – хотя при чем лицо, когда речь о творчестве? Подобный неадекватный переход с текста на личность автора, мягко говоря, не профессионален: что ж, какой-нибудь литературной особи простительно назвать Уэльбека «социальным невротиком», однако-с...

Вот что читаем мы в интервью с Жаном-Ивом Жуане, вопрошающего у прижизненного классика о его доводах против пессимизма и, в конечном счете, самоубийства: «Ничто не смогло бы удержать нас в этой жизни, если бы не чувство долга, – говорит Уэльбек. – ...Сделай так, чтобы чье-то счастье зависело от твоего существования: можешь взять на воспитание ребенка или, на худой конец, купить пуделя» – не самое плохое противоядие суициду, на самом деле, вполне по-зи-тив-ное (второе, кстати, после «оптимизировать» излюбленное словечко говорящих на антиязыке; к примеру, «...этот вопрос еще не решен ввиду урегулирования ряда технических аспектов»).

Позже меня удивит уайльдовско-уэльбековская переключка: «Мне отвратительна вульгарность реализма в литературе», – писал некогда первый. Второй же рассуждает о «мерзком поэтическом реализме», имея, впрочем, на то полное право: нетленки Живого Журнала не дадут соврать: «У нас на факе эта книга („Мир как супермаркет“ – Н. Р.) входит в обязательный список по зарубежной лит-ре 20 века» – худо ли? Но более всего, думается, злит критикoff, что эссе эти написаны человеком-парадоксом, у которого, в отличие от последних, фантазии хватает и на прозу крепкую, в которую публицистика (будто б «их» жанр) очень органично вплетается, и ткань стиха тонкую, и на достойные уважения критические заметки, охватывающие многочисленные пласты культурно-социальной жизни – тут тебе и кино, и музыка, и литература с архитектурой, и та же «порнопроблематика»... Уэльбек знает предмет: меткий стрелок легко попадает в заветную десятку, и пусть иные умники назовут его тексты «язвительными», «жестокими», «самыми депрессивными» (ой ли?) и даже обвинят писателя в том, что Художник «воспринимает жизнь как эстетическое произведение» (STOP: как еще Художнику ее воспринимать? По Деррида, «Вне текста ничего нет»), скажу так: «I love your words, Michel Houellebecq» (DA CAPO AL FINE¹⁴), хотя, чего греха таить, едва ль мечтаю стать прототипом

¹³ «Литературная Россия», № 2006 / 8: <https://litrossia.ru/item/498-oldarchive/>.

¹⁴ Повторить с начала до слова «Конец».

твоего очередного шедевра. Топ-топ-топ, отхожу, предпочитая удивляться таланту любому на расстоянии: на то и большое, только так лучше и различимое.

Уэльбек не перестает удивлять. Тем интереснее, что удивление это в чем-то – та самая радость узнавания, за которой идет слушатель, например, в концертный зал, чтобы услышать Первый, до-мажорный, этюд Шопена. И... ощущение, что все это должен был сказать ты, но «ты» – периодически – всего лишь все понимающая «собака», роль которой не предполагает наличия человеческого голоса. Все уэльбековское теоретизирование, все его провокации, жонглирование религиозными чувствами, сексуальными табу, вся его ирония над продуманной «системой ценностей цивилизованного человека» заключаются в тщетной (?) попытке раскопать то единственно доброе и действительно вечное, так искусно задрапированное в целлюлозную супермаркетовскую упаковку, внутри которой скрывается отнюдь не «Мировая душа», а безвкусный полуфабрикат, а то и просто – кривое зеркальце *life is life*: «Я ль на свет всех милее?...» – «Не ты, не ты»...

Он не циник. И вовсе не новоявленный Печорин, а всего лишь волшебник-удивляльщик имеющих уши: какая там Страна Глухих! Когда-то, в юности-юности, я начеркала: «*Рождённый ползать может не летать, летать рождённый должен как-то ползать*»... именно об этом и пишет г-н Мишель, с которым я касательно этого вот выпада – «Когда в литературной беседе слышишь „письмо“, то сразу понимаешь, что настал момент слегка расслабиться. Оглядеться вокруг, заказать еще одно пиво...» – категорически не согласна. Впрочем, на *письмо* он не претендует: он пишет, будоража тех, кто не хочет быть, как пел «Ноль», «блуждающим биороботом», поэтому переводчица Нина Кулиш говорит о том, что ни в одном из своих текстов Уэльбек не ставит окончательной точки, давая человеку искру надежды, пусть даже и последней: «Что ж, будем надеяться!», ибо *Fine!* Неизбежен.

2006

Возможность острова

Широкая пресса¹⁵, гарантированная любому творению этого француза, не миновала и его романа «Возможность острова»¹⁶: именно за *фантастичный* научно-фантастический текст Мишеля Уэльбека и удостоили премии «Интералье». Однако кое-что журналисты, строча буквы да поглядывая на количество знаков с пробелами, пропустили. Что же?

470 с лишним страниц о любви. О закономерной, разъедающей душу ненависти к высшим приматам; презрение под микроскопом. О вечном, неизбывном страхе смерти и его преодолении бессмертием, заключенном в ДНК *Homo Sapiens'a*. Об узаконенной инквизиторской жестокости и невежестве «соли земли». О некоей секте элохимитов, пытающихся достичь бессмертия и – в далеком будущем – достигающих-таки. Т. н. моральный аспект не в счет: «вынужденное» умерщвление одной из адептов «оправдано». Ученый сравнивает жертву с «морозным узором на стекле», «прелестной временной комбинацией молекул», не более – в сущности, от ее жизни не будет никакого *толка*, смерть же принесет *пользу*... «Возможность острова» – попытка прокрустовыми критериями, на ложе которых та же любовь уместается лишь в футляр фашизма: молодость, красота, сила. А еще – игра: «Когда искренне любишь, единственный шанс выжить – это скрывать свои чувства от любимой женщины, в любых обстоятельствах напускать на себя легкое безразличие. Как это просто – и как печально! Этот факт сам по себе – обвинительный приговор человеку!..» – констатирует главный герой.

¹⁵ Рецензия в журнале «Знамя», № 3 / 2007: <https://magazines.gorky.media/znamia/2007/3/mishel-uelbek-vozmozhnost-ostrova.html>.

¹⁶ М. Уэльбек «Возможность острова» (перевод Ирины Стаф). – Иностранка, 2006.

Даниэль, преуспевающий актер комического жанра, весьма известная персона, циник («В день, когда мой сын покончил с собой, я сделал себе яичницу с помидорами... Не вижу никакой трагедии в том, что он умер; без таких людей прекрасно можно обойтись»), не лишенный сентиментальности, всеми кривдами хочет оправдать личное земное присутствие: чье-то еще его не особенно занимает. Чем, если не «продажными» – можно и без кавычек – скетчами, главный мотив которых – востребованные публичкой сцены насилия и банальное порно?

А любовью.

Что ж, поначалу удастся: Изабель – умная, щедрой души (и тела), состоятельная француженка. Однако не настолько не-женщина, чтобы остаться одной на излете более чем успешной глянцевого карьеры. И все идет очень неплохо – Даниэль, очарованный ее умом и красотой (именно в таком порядке, хотя Изабель действительно красива), чувствует себя влюбленным и, несмотря на постоянную рефлекссию, счастлив.

Нет, в романе и не пахнет дежурным «И умерли в один день». Первой покончит с собой Изабель, подсевшая к тому времени на морфий; завещав все имущество элохимитской церкви в обмен на future-бессмертие, она не забыла позаботиться о собаке – чудесном добром Фоксе, который, словно ребенок после развода, жил то у одного, то у другого «родителя». Вторым уйдет из того, что называется жизнь, Даниэль: физическое увядание, новая любовь – любовь к не обремененной опытом (разве что эротическим) особе вдвое младше по имени Эстер, окончательно его растопчет: «Ничего не осталось, // Не вернется мечта, // надвигается старость, // Впереди – пустота...». В записях одного из нео-Даниэлей постоянно сквозит непонимание предка, бросившего все ради того, чтобы прикоснуться к Эстер... в итоге бросившей Даниэля ради всего (действие разворачивается то в наши дни, то в далеком будущем – через 2000 лет).

Однако наиболее существенные моменты в романе «Возможность острова» – вовсе не фейерверк страстей главного героя, жестоко переживающего неизбежное старение, а под конец постоянно муссирующего тему потенциальной сексуальной не востребоваваемости: «За всю жизнь меня не интересовало ничего, кроме собственного члена, теперь мой член умер, и я собирался последовать за ним, пережить тот же роковой упадок, и поделом...». И даже не попытка объяснения учения Элохим – вечные поиски бессмертия. Гораздо важнее то, сколь скрупулезно-безжалостно препарирует Уэльбек Двухное Прямоходящее: «Францию накрыла волна сильных холодов, каждое утро на тротуарах находили замерзших бомжей»; «Каждый год летом во Франции начинался сезон отпусков, и каждый год в больницах и домах для престарелых множество стариков умирали от отсутствия ухода; но никто уже давно не возмущался, в известном смысле это вошло в обычай, превратилось во вполне естественный способ решить статистическую проблему...»; «Любая форма жестокости, циничного эгоизма и насилия принималась на ура...», etc.

Острым опытом, который ставит писатель на Даниэле 1 и последнем, Даниэле 25, является «двойная» трагическая гибель Фокса: один из глубинных смыслов этого, щедрого на жесткий натурализм, текста. Главный герой – как человек (1), так и нечеловек (25) – приходит, наконец, к тому, что именно собака является наиболее важным и нужным ему существом, и что именно ее следует любить со всей чистотой и бескорыстием альтруизма. Альтруизма, невозможного при общении ни с полярным, ни с одинаково заряженным полом. Даниэль 25 сожалеет лишь о том, что «стал причиной гибели Фокса, единственно известного мне существа, заслужившего право жить дальше, ибо в глазах его иногда зажигалась искра, предвещавшая пришествие Грядущих». Более того: Даниэль 1 любил Фокса больше, чем он любил Изабель и Эстер, сам того не осознавая, что, впрочем, неудивительно: окончательно запутавшийся, растерзанный богачок, лишившийся абсолютно всех духовных подпорок: верил ли он в собственное воскресение, убивая физическую оболочку?

Умышленно раздавленный неким рабочим-троглодитом Фокс в случае человека Даниэля 1 (причина убийства – тупая социальная зависть) и последний, воскресенный Фокс, зверь

ски убитый дикарями в случае неочеловека Даниэля 25 – ноукомментный смертный приговор нынешнему виду: «Теперь я точно знал, что изведал любовь, потому что изведал страдание... Мое одиночество было безысходно». Стоит отметить, что положить конец всей этой безысходности – страданиям, на которые обречены люди, – Уэльбек предлагает весьма радикальным способом: освободить себя от потомства, ведь боль и печаль не уйдут, «пока женщины будут рожать детей». Животный механизм репродукции, заложенный в любой самке, – вот корень людских бед. Точнее, «бед роботов» – Даниэль 25 с горечью констатирует: «Подобно им (людям. – *Н. Р.*), мы были всего лишь разумными механизмами. Но, в отличие от них, сознавали, что мы – не более чем механизмы».

Эти-то самые механизмы и превратят через 2000 лет остатки расы в чудовищных примитивов («карикатурные отходы человечества»): т. е. «отходы» вернуться, так сказать, к «источкам». Итак, дикари: злые, жестокие, ограниченные – лишь клинический идиот не увидит в них замаскированных современников: «бедных, злых, любимых».

Отношение к старикам как к «отработанному материалу» характерно как для древних сообществ варваров, так и для большинства современных «цивилизованных» варваров. Уэльбек называет войну против стариков (*sic!*) «смертельным поединком, имеющим целью уничтожить наименее жизнеспособного индивида», что и делается, собственно, в большинстве домов престарелых третьего тысячелетия.

На чашах весов – изолгавшееся общество потребления XXI-го с его перверзивным культом силы и жестокости, на другой – те же дикари с теми же культами: словно и не было этих двух тысяч лет... НЕ-естественный отбор, предполагающий выживание сильнейших и чудовищнейших. Однако механизм самоуничтожения, запущенный человечеством, не напрасен – таких людей, как замечает между строк Уэльбек, не должно быть.

Последний нео-Даниэль, как и все его предки, имеющие ДНК Даниэля 1, по понятным причинам не испытывает сострадания к людям (= дикарям). Неолюди («механизмы», гораздо лучше оснащенные как физически, так и умственно; «усовершенствованная обезьяна» – так называет себя Даниэль 25), читая записи предшественников, так скажем, недопонимали деяния далеких предков. А самой загадочной опцией оставалась для них пресловутая любовь. Неолюди – промежуточная форма между людьми и Грядущими, пришествие которых и является основным мотивом «войны против человечества», – объясняли ее рождение в основном страхом одиночества и силой либидо. Однако на самом деле они уже не понимали, что представляет собой это чувство. И именно Фокс открыл Даниэлю 25 «опцию любви». И именно благодаря четвероногому созданию двуногое обрело способность любить и поверило... в возможность острова: быть может, он и существует, кто знает?

И мне, ровеснику земли,
Единый миг любви откроет
Во времени – безбрежно море —
Возможность острова вдали.

Однако Даниэль-неочеловек впитал в себя слишком много от Даниэля-человека. Именно поэтому «№ 25» и решается уйти из замкнутого пространства, считавшегося наиболее оптимальным для поддержания жизни промежуточного вида. Итак, Даниэль 25 покидает безопасный мирок, сим доказав несостоятельность «великого эксперимента». Однако ему уже не обрести бессмертия, как не обрести и счастья: страдание заключается уже в самом факте существования. Быть может, думает он, Грядущие и смогут познать радость – «иное имя вечно длящегося удовольствия». Но кто они и когда придут? Да и придут ли?..

Роман вдребезги разбивает «великий гуманистический миф человечества», ибо если Homo Sapiens (?) не изменится (что маловероятно), счастье ожидает его лишь за горизонтом. Вот он, совсем близко... Упс.

2007

Сердца выстывший мотор

Уэльбек и немного нервно:
«Карта и территория» *Locus communis*¹⁷

Мишель Уэльбек (Michel Houellebecq, настоящая фамилия Томá, фр. Thomas; 26 февраля 1958, остров Реюньон) – французский писатель, поэт. Лауреат Приза Ноября за роман «Элементарные частицы» (1998) и Гонкуровской премии за роман «Карта и территория» (2010). Один из самых читаемых в мире французских авторов.

Википедия

Мишель Уэльбек – писатель, поэт и лауреат, – любит Википедию и *курсивы*. Поначалу их обилие *раздражает*. Потом *привыкаешь*. Потом просто уходишь в текст, спотыкаясь в межстрочье лишь изредка: курсив мог быть, а мог и не, ведь *некоторые женятся, а некоторые – так*. Сложносочиненные персонажи на картах и территориях литератора, для которого дивный чудный МИР и не менее дивнотрудный СУПЕРМАРКЕТ не столь синонимы, сколь сямские близнецы, порожденные, если копнуть, всё той же (условно) высшей безусловной любовью («кого Он любит, того и наказывает» = «бьет, значит, любит») – по обыкновению *так. Так*, даже если б и хотели *иначе*, и живут – или, для отвода собственных же зрачков, делают вид из последних, иной раз недюжинных. Впрочем, речь не о пресловутом узаконенном «союзе двоих», но о глубинной невозможности подобного союза – как любовного, так и дружеского: о праневозможности для определенной ментальности, разумеется. О распаде челодуэта в бесконечно удаленной точке самого его возникновения. О невозможности унисона и совпадения там, где они – далее сослагательное – могли б: увы, в лабораториях Урании нет места подобным причудам. Сознание на распялках вивария, острые опыты, реанимация тела – почти никогда не души... в общем, Уэльбек *большой мальчик*.

«Нам любовь не рай да кущи, нам любовь гудит про то, что опять в работу пущен сердца выжженный мотор»: *Письмо тов. Кострову из Парижа о сущности любви* маячит нехстати – умная эропушка Уэльбека не стреляет, хотя – почему нет? – кажет дуло аккуратно в первом акте: «Ольга обернулась и поняла, что дело плохо, мгновенно узнав панический, невидящий взгляд мужчины, изнемогающий от желания, быстро подошла к нему, обволокла его своим полным неги телом и поцеловала прямо в губы» – почти сентиментальный роман, если вырвать фразу из контекста: то самое чтиво, которое по обыкновению увековечивается в бук-шопе *шелфтокером*¹⁸ со слоганом и изображением беллетриста... Ан Уэльбек не был бы Уэльбеком, не раствори love-story в *серьезных вещах*, о которых *не стыдно* распространяться не- и вполне презентабельным обозревателям солидных, или около таковых, СМИ: *фотография, живопись, архитектура, социальный спрасе* и даже – не без того – *божественное*, пусть и так, по-простецки: «В сущности, ему нечего было сказать Господу; не сейчас, во всяком случае».

Ему, фотохудожнику Джеду Мартену, прославившемуся благодаря *оригинальным изображениям* мишленовских карт и *даме сердца*, и впрямь нечего было сказать ни Господу, ни

¹⁷ Избитые истины (лат.). Публикация в «Частном Корреспонденте» 06.03.http://www.chaskor.ru/article/serdtsa_vystyvshij_motor_27081.

¹⁸ От англ. *shelf-talker*: «говорящая полка», полноцветный фигурный рекламный элемент из пластика или картона.

кому бы то ни было еще – ни в начале, ни в конце пути: исключение составляет, пожалуй, отражение его «я» в Мишеле Уэльбеке, изобразившем себя в романе с изрядной долей цинизма. Но у Уэльбека-персонажа, по всей видимости, все-таки *была молодость*; Джед же словно бы *родился немолодым*, словно бы сразу пришел к мысли, посетившей его отца лишь на середине пресловутого полета из вагины в могилу: «Мне было около сорока, моя профессиональная жизнь удалась, но я понял, что больше так не могу». Собственно, почти все уэльбековские герои (и в «Расширении пространства борьбы», и в «Элементарных частицах», и в «Платформе», и в «Лансароте» с «Возможностью острова») так или иначе транслируют в мир именно *это*, но их псевдобезволие вкупе с приливами естественной мизантропии – суть ширма: они *впрямь не могут больше*, потому как просто больше *не хотят*, и это их право – не поза: «Человеческая жизнь – это, в сущности, не бог весть что. Ее можно свести к весьма ограниченному числу событий» – констатирует автор, не преминувший уточнить в нейтральной на первый взгляд, но крайне драматичной на самом деле сцене первого прощания Джедас *вроде бы* возлюбленной – штучного исполнения русской дамой, носящей штучную фамилию Шеремеева: «Она была молода, или, точнее говоря, *еще молода*, и воображала, что жизнь предлагает массу разных возможностей, а человеческие отношения богаче схем» – почти чеховские, в общем, мотивы, ну а социальный Гольфстрим, ласкающий *представителей высшего слоя среднего класса в расцвете лет* (тот же замок Во-де-Люньи, жемчужина «Элитных загородных усадеб» с парком в сорок гектаров) – лишь тактильный мираж: так остаешься без кожи, так понижаешь, что «то» ушло навсегда, «там» никогда не наступит, ну а «тут» – олей! – тебя, так уж вышло, не существует. «Привет, персонаж!» – *Не слышит*¹⁹.

Ограничивает количество событий и Джед Мартен, ограничивает по причине хрестоматийного *страха перед действием* или *классической неспособности испытывать сильные чувства*. Являясь «продуктом, просто культурным продуктом», он не в состоянии хранить даже иллюзию счастья, заключающегося не только в том, что называют до сих пор *творчеством*. «Франзуик ты мой недоделанный...» – говорит *сделавшая* Джеда Ольга Шеремеева и уезжает из «благословенной Франции» в «немытую Россию»: от некоторых предложений и впрямь нельзя отказаться, особенно если работаешь в компании «Мишлен» и занимаешь *топовую позицию*. За десять лет разлуки прямоходящий art love-объект Ольги не сделает ни одной попытки с нею связаться – впрочем, после ее отъезда уничтожит свои работы: они покинут трехмерность, правда, порой Джеду будет казаться, будто покинул ее он сам – настолько неживой окажется его «территория» без ставших привычными «карт», которые, возможно, использовали фотографа даже в большей степени, нежели он – их...

Шли, в общем, *годы*. Джед в гордом одиночестве занимался живописью (Ольгины «коммуникативные тропки» оказались весьма удобными с точки зрения ну очень полезных коннектов) и так преуспел, что стал неожиданно для себя одним из самых богатых и востребованных *художников* мира. И одним из самых несчастливых (здесь, впрочем, Уэльбек верен себе: в каждом романе он не устает доказывать бедным читателям, что богатые тоже плачут) – ну какое счастье без этой русской, открывшей ему его же страну! Он ведь и пойти-то вечером толком не знал, куда... *До нее* не знал. *А после* стало и вовсе незачем.

Очередное Рождество после отъезда Ольги Джед проводит с отцом: тот болен раком. Джед стойчески пытается *вести беседу*, но задача это трудновыполнимая: обоим лишь кажется, будто они сосуществуют в одном пространстве – на самом деле, каждый закапсулирован на своей Территории, единого поля быть не может, да, в общем, никогда и не было: живой Карты в неживой природе не существует. Внезапно до Джеда доходит, что отца надо бы *приобнять* – тот ведь смертельно болен: «Но как? Он никогда этого не делал!». Итожит Дело №*** эвтанизия, которую бывший успешный архитектор Жан-Пьер Мартен, а ныне – кусок распадающейся

¹⁹ В. Набоков «Просвечивающие предметы».

материи, предпочел морфию и искусственному анусу. Так Джек окажется в цюрихском «Диг-нитасе», где навсегда спасают от жизни, – так попросит карту отца и услышит металлическое «операция прошла нормально»; так, в ответ на реплики медслужки, не сдержится, и совершит один из *самых человеческих*, быть может, за всю жизнь, поступков (вторым будет завещание в пользу ассоциаций защиты животных) – как следует врежет «докторнице», да так, что услышит хруст ее позвоночника: но это потом, а пока... пока Уэльбек использует свои фирменные приемы – ничего, впрочем, для его читателя нового.

Эффект неожиданности – да, один из: *внезапно* галерист Джеда протягивает ему визитку вернувшейся в Париж Ольги, той самой, Шеремеевой, о которой Бегбедер говорил некогда горе-любовнику: «Она *правда* вас любила... а вы отпустили ее в Россию... и не звонили, не писали... Любовь... Любовь – это большая редкость. Вы не знали? Вас никогда не предупреждали? Вам никто не говорил, что любовь надо беречь?». Упс, Джеду не говорили, Джеда не предупреждали. Джек, бедняга, ей-же-ей, *ни о чем таком* не догадывался. «Разве что выставка для вас важнее... художники, блин...» – бормочет с отвращением Бегбедер, ну а Уэльбек возвращает внимание «недоделанного французика» к визитке «бывшей» лишь через энное количество страниц: читатель об Ольге, *казалось*, должен бы к тому времени позабыть.

Встреча внешне ничем не примечательного супервостребованного французского художника и невероятно красивой суперуспешной русской бизнес-леди трогательна лишь поначалу, *парсек*... утром же наш герой фактически удирает из дома возлюбленной, сиюсья вспомнить, *было ли у них что-нибудь*: накануне он здорово перебрал. Описав фактически идеальную женщину, автор снимает ружье, вывешенное в первом акте, и уходит с ним, не оглядываясь, словно роженица, боящаяся *кровавой развязки своего положения* – патроны кончились, повитуха в загуле, да и «недоделанный французик» не смог бы ни выстрелить, ни родить... Сюжетный аборт на большом сроке: единственная не прорисованная писателем территория на карте персонажей любви – *и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс*.

Аффтар, убей себя? Легко. Джеду потребовался текст, написанный «автором „Элементарных частиц“» (именно так чаще всего называет себя Мишель в романе) – вот, собственно, и встретились два затворника. Они, разумеется, *спелись*, пусть и не сразу. «Мир – это все что угодно, только не повод для творческого импульса. В нем ни магии, ни интереса», – заключает Джек и думает, что когда-нибудь его существование будет напоминать «элегантный салон кроссовера ауди олроуд, такого мирного, унылого и совершенно безразличного ко всему» – унылого не потому ли, что десять лет назад... да что теперь! Уэльбек, разумеется, унисонит: «Жизнь моя подошла к концу, и я разочарован. Ничего из того, на что я надеялся в юности, не сбылось» – *старался Екклесиаст приискывать изящные изречения, и слова истины написаны им верно*.

Джек и Мишель встречаются несколько раз – и если первая встреча производит на художника гнетущее впечатление (у писателя жесточайшая депрессия, писатель, так скажем, не лучшим образом себя ведет, к тому же, пренебрегая гигиеной, *пованивает*), то последняя встреча в чем-то трогательна: именно тогда у Джеда зарождаются *дружеские чувства* к знаменитому отшельнику, общающемуся лишь с псом Платоном, взятым из приюта (псом, которого, как и безмерно преданного Даниэлю Фокса из «Возможности острова», тоже убивают, но это другая история). Итак, *дружеские чувства*: ну, насколько они, конечно, вообще могут зародиться в человеке, для которого «дружба», как и «любовь», фактически абстракция. И все-таки художник приезжает к писателю как к самому себе... возможно, даже чуть больше, чем к себе: как к своему «высшему Я»? Кто знает! Эта попытка *человеческих отношений* – пример завуалированного нарциссизма. Джек видит в Мишеле собственное отражение, в чем-то *желаемое отражение*, и потому «притягивается». Ну да, они впрямь похожи: Джек – тот самый живой мертвец (он *всегда* был взрослым), Мишель – тот самый мертвый живой (он *стал*, наконец,

взрослым = мертвым, слишком взрослым = мертвым)... прочувствуйте разницу вместе с Орега Бианса: «Мы бороздим пространство, ритм наших шагов разрезает пространство с безупречностью бритвы...»²⁰. В сущности, Джед и Мишель метафизически – близнецы.

Любопытно, что в конце романа автор, подводя условную черту под *портретом* Джеда, роняет фразу: «Всю свою жизнь он хотел быть полезным, и с тех пор как он разбогател, это желание только усилилось» – меж тем как, мечтая быть полезным *вовне*, он не стал полезен *изнутри*, не стал, по сути, полезным самому себе – собственное существование оказалось в тягость – ну а талант не спас. *Уловлённые работы* Джеда Мартена – суть наколотые на страницы фантомные бабочки: так и видишь просвечивающий сквозь них набоковский профиль – В. В. усмехается, В. В. *постановочно безупречен*. И – листает уже Strong Opinions: «Хороший читатель обречен на свирепые усилия с трудным писателем, но эти усилия в конце концов, когда осядет слепящая пыль, могут быть вознаграждены». С дотошностью энтомолога, любовно описывающего *редкий экземпляр*, художник-фотограф любовно описывает *процесс* создания шедевра, перебарщивая, правда, с техникой секса: все эти «открывая диафрагму до 1.9» или «48-битные файлы RGB в формате 6 000 на 8 000 пикселей» утомляют, *не бабочки, чай* – текст хочется сократить, сократив тем самым и количество выделяемой в пространство экзистенциальной тоски, которая лечится как смертельной дозой пентобарбитала, так и любовью: ничего, в общем, нового.

Ну а потом автор идет на ритуальное самоубийство, пока, к счастью, литературное, понимая, сколь *полезно*, быть может, прикончить себя через двойника-персонажа. Репетиция собственных похорон описана с *уважительным сарказмом*, обряд «инициации смертью» едва ли не ироничен, кабы не так жесток... Самая же поразительная деталь третьей части – то, насколько *запало* искусство в душу главного героя: фотографии, которые покажет Джеду следователь, вызовут у художника поначалу исключительно «креативные ассоциации» – ему кажется, будто это картины Джексона Поллока... Джед поначалу не понимает, что разглядывает останки своего *друга*, почти артистично распотрошенного безмянным убийцей. Полицейского же в конце всей этой темной истории «убивает»... банальный мотив преступления, совершенного с особой жестокостью (ну да, *опять кража*: кража написанного Джедом Мартеном портрета Мишеля Уэльбека и подаренного ему же – портрета, стоящего целое состояние). А ведь поначалу копу казалось, что все «не так примитивно» – ан нет, убивают по-прежнему из-за денег и секса, все укладывается в привычные уголовные схемы, нигде нет *романтики*.

По данным Кенси Райта, самыми агрессивными системами являются системы, где существует деление на классы, ну а отдельно взятый живой человек, по Фромму, – «единственный представитель приматов, способный испытывать удовольствие от убийства и созерцания страданий». Итак, выхода, в общем, два – либо всеобщий коллапс, вызванный искажениями планетарной энергии, либо апгрейд системы ценностей – у Уэльбека, собственно, все книги об этом. P. S. В эссе «Саломон из Лондона» Паскаль Киньяр²¹ упоминает, что некогда королева Мария Лещинская поместила на свой секретер череп Нинон де Ланкло: периодически королева поглаживала череп красавицы, приговаривая: «Вот так-то, моя милая!». Что ж, читающий аноним, вот так-то: «Карта и территория» – самый темный «предрассветный час» знаменитого француза, чей талант, не исключено, раскроется когда-нибудь и *как-то иначе*: убийство доппельгангера – великолепный повод *начать жить* не только в сгнивших на мертвых территориях персонажных картах. И вот тогда Мишеля Уэльбека можно будет по-настоящему полюбить – пусть издали, пусть ненадолго: как чужого ребенка в Люксембургском саду... Да Уэльбек и есть *ребенок*. Как каждый из нас, *ох уж эти курсивы*, божественный.

²⁰ «Белая Опера», текст М. Уэльбека: подвижная озвученная инсталляция по замыслу скульптора Жилия Тюяра, музыка Бриса Позе.

²¹ Паскаль Киньяр «Ладья Харона» (гл. 6). Астрель, 2012.

2012, «ЧасКор»²²

Серотонин как Burnout

Все, кто интересуется текстами популярного в России французского литератора Мишеля Уэльбека, помнят: в апреле 2019-го Эмманюэль Макрон вручил ему, «великому и ужасному», орден Почетного легиона, учрежденный еще Наполеоном в начале позапрошлого века: высшую награду сладкоголосой Франции. Так – наконец-то – «enfant terrible» стал Рыцарем Ордена. Как сообщили информационные агентства, президент Франции заявил: «Произведения писателя не являются пессимистичными, а „полны надежды на лучшее будущее“». Это парадоксальное уточнение мсье Макрона является тем более забавным, что последний на данный момент уэльбековский роман «Серотонин»²³, о котором не писали разве что самые ленивые или уставшие от горестной своей писанины критики (поэтому спойлеров для все еще не осиливших книгу не будет), – самый черный его роман. Оторваться от него, впрочем, как ни крути у виска, непросто: чужое психологическое затягивает.

Роман, бесспорно, плохо написанный. Возможно, худший (с точки зрения стиля) текст «Рыцаря печального образа»-XXI. Все больше грешит 60+летний Мишель сбоями вкуса, все паршивей редактирует «википедические» абзацы, напрасно пытается поразить чье-то рассеянное внимание малозначимыми деталями, без которых можно было б легко обойтись – ну или сократить вдвое, имеющий уши да услышит: «Компания Graindorge, основанная в 1910 году в Ливаро, после Второй мировой войны занялась также камамбером и пон-левеком и пребывала когда-то в зените славы (будучи бесспорным лидером по производству ливаро, она занимала вторые строчки в рейтингах производителей двух других сыров нормандской триады), но в начале нового столетия вошла в кризисную спираль, закручивавшуюся все туже, вплоть до момента, когда в 2016 году Graindorge была выкуплена компанией Lactalis, мировым лидером молочной индустрии...» – от скуки скулы сводит, не так ли? Речь все-таки о художественном произведении, а не о статье в ежедневной газете, хотя все относительно, и серьезная проза порой чего только не миксует. Главное сделать талантливый микс из текстов разных жанров – «все-то» дел! У Уэльбека с талантливым миксованием есть некоторые проблемы.

Впрочем, не раз он отмечал в интервью, что де не любит г-на Набокова и прочих так называемых стилистов. Быть может, оттого что его-то рыцарские stories (по обыкновению ладно скроенные и крепко сшитые), представляют собой собственно литслепок с его внешности. И хотя переходить с разбора текста на персону автора – дело предосудительное, позволительным все же будет отметить вольно или невольно, что «стертый язык» мсье уж очень напоминает «стертый» облик его самого: одно произрастает из другого. С лица воду не пить, но увы – сообщающиеся сосуды, и вот уж «мятая» физиономия скандальной знаменитости зеркалит «мятые» книжные фразы... Или с возрастом стал хуже писать?.. Ленив?.. Пожалуй, да: махнул на буквы рукой, ведь в тех же романах «Карта и Территория», «Возможность острова» или «Платформа» Мишель не был столь стилистически предсказуем. Хотя, возможно, дело еще и в самоповторах.

Попытка поэтизации уродства и жизненного распада терпит в «Серотонине» провал. Что еще скучнее (но, увы, реалистичнее): Уэльбек не пытается сколько-то романтизировать душевное расстройство персонажа намеренно – он механически, словно куклу, разбирает его на всевозможные составляющие, «крепит» на распялки чел-овечьего вивария и ставит острые,

²² В 2011 году «ЧасКор», выходявший с 2008-го по 2022-й, был удостоен «Премии Рунета» в номинации «Культура и массовые коммуникации».

²³ Мишель Уэльбек «Серотонин»: Corpus, Рецензия опубликована в «Литературной газете» 04.03.2020 <https://lgz.ru/article/-9-6727-04-03-2020/v-otsutstvie-mody-napsikhoanaliz/>.

in vivo, опыты, размышляя, какую еще душевную пытку придумать для читающей публички, которая не сидит на антидепрессантах, насмерть поражающих угасающее воображение libido. И это еще один «стертый» прием, далеко не всегда работающий. Автор в своей якобы безоценочности и дистанцированности по отношению к происходящему с персонажем ставит читающему ловушку из букв, но сам в нее же и попадает. Буквы не прощают. Прием максимального отстранения пишущего от собственного текста действует на читателя порой полярным образом: не «трясет», не цепляет. Жесткого, внезапного нападения на чужие чувства не случается, а ведь как раз на него (на это самое нападение) Уэльбек наверняка рассчитывал, создавая «смятое» полотно из букв – ан слишком многое считается еще до того, как автор поставил точку. Тем не менее этот мрачный роман не отпускает Homo Legens до самого финала, царапая, если уж не выскребая до дна, подноготную бессознательного... и тут уместен пассаж Ежи Леца: «Я думал, что опустился на самое дно, как вдруг снизу постучали».

Итак, казалось бы, все четко: burnout («бернаут») главного героя, пресловутая «болезнь перегоревшей души». Бернаут, которым – в чуть более щадящей форме – страдала и главная героиня моего романа «Сперматозоиды» (в качестве эпиграфа к книге, кстати, была использована цитата из Уэльбека). «Все люди – просто добежавшие сперматозоиды», – перефразировала ее на свой лад моя персонажка, впавшая в отчаяние от сего банального факта, но, в отличие от уэльбековского «серотонинного» персонажа, не пыталась никого убить и не делала ничего, что могло бы навредить кому-то: только себе, любимой. Увы и ах: так человека «берут» за мозг, а потом «выносят» его. Кто? Что? Социум, карма, сансара, ДНК... что там еще может существовать в качестве пресловутой оговорочки по Фрейду – или, быть может, Юнгу?.. Не смешно-с.

Как оставаться в живых и не потерять при этом себя? Вот, собственно, главный вопрос романов «Сперматозоиды» Натальи Рубановой (привет, персонаж!) и «Серотонин» Мишеля Уэльбека. Казалось бы, столь разные, тексты эти неизбежно пересекаются в одном – человек (гендер не важен) не может быть счастлив априори, и лишь иллюзии помогают ему не пустить себе в лоб пулю – возможны варианты – раньше отмеренного «Там» времени.

Главный герой «Серотонина», 46-летний Флоран-Клод Лабруст, высокооплачиваемый чиновник (т. н. верхняя страта среднего класса), пьет таблетки «от существования» – капторикс, побочным действием которых становится снижение, а затем и полное исчезновение и без того угасающего либидо. Лабрусту уже все равно – ему просто надо протянуть еще, и еще, и еще один жуткий день своей жизни. Перед нами что-то вроде дневника душевнобольного, который на самом-то деле абсолютно нормален, если даже и «аморален». Он давно пребывает за гранью добра и зла, а все, что могло бы вернуть его к жизни, – это, как ни банально, потерянная «по молодости, по глупости» любовь. Однако именно «душевное расстройство нормального человека» плюс капторикс и не дают ему встретиться с Той, Которая Могла Б Его Воскресить... Он даже не пытается увидеться с Ней: достаточно бинокля. Экс-любовницы, тщетные попытки найти в прежних связях что-то человеческое «здесь и сейчас», встреча с бывшим другом также не увенчаются успехом для возрождения из пепла. Лабруст исчезнет для всех, переедет в отель, а потом купит квартиру, чтобы лет через десять (примерно на столько времени ему хватит денег, дабы ни в чем себе не отказывать), возможно, уйдет из жизни. Если, конечно, не найдет в себе сил сделать это чуть раньше.

«Серотонин» – роман о любви и ее антониме. Как и все романы мсье Уэльбека. Дочитав текст, невольно ассоциируешь главного героя с автором, хотя это и дурной тон. Впрочем, спасибо пресловутым информационным агентствам, уточнившим, что на вручении ордена Почетного легиона с Мишелем была его молодая жена. А значит, Homo Legens еще может рассчитывать на новый текст этого невероятно одаренного, несмотря на «стертый» стиль, француза. Писателя, которым в нашей стране многие «лечатся», возможно, все еще в отсутствие моды на психоанализ и сопутствующие товары.

2020

Фредерик Бегбедер²⁴ «Счастливые люди не потребляют»

Итак, роман «99 франков»²⁵ французского автора Фредерика Бегбедера в переводе Ирины Волевич: остановимся именно на сем нейтральном определении – «автор», ибо «писатель» все же обязывает к чему-то большему, и в данном контексте – контексте писателя – уместнее упомянуть того же Уэльбека, своеобразного гуру Бегбедера.

В аннотации уточняется, что автор накануне публикации своего текста из рекламного агентства, в котором пребывал, был уволен: «...покинул мир рекламы, дабы немедленно войти в мир бестселлеров». А вошел легко, словно хорошо заточенный нож в расплавленное прогорклое масло: да и не могло быть иначе с прозой, бесстрастно разоблачающей духовный – по умолчанию – «кариес» и тоскливую пафосность как рекламного, так и едва ли не любого офисного мирка со всеми его интересиками, амбициями, корпоративным душком-с... и тэ дэ, и тэ дэ.

Многие люди любят читать о работе, и это вполне естественно. Увы, в замкнутом пространстве, в растрачивании того, что называют «лучшие годы», проходит жизнь большинства: в качестве «пряника» же после многочисленных «кнутов» выступает энная сумма в конверте, ради которой, собственно, и делается все то, что мы никогда не стали бы делать бесплатно – та же проституция, только ментальная: нужно лишь однажды признаться себе, и... Изменить *это* в обозримом будущем, увы-увы, едва ли представляется возможным, поэтому эпиграфом к роману Бегбедер неслучайно ставит высказывание бунтаря Фассбиндера: «То, что невозможно изменить, нужно хотя бы описать».

Что же описывает г-н Бегбедер? Текст, напоминающий мозаику, текст с большой долей очерковости и насквозь пропитанный тем, что называют клиповым сознанием; его коллажность строится не столь на провокации, как писали многие СМИ («Я расходую свою жизнь на то, чтобы лгать вам, и за это мне щедро платят... Я мешаю вам думать»), сколь на самой обыкновенной, абсолютно реалистичной – и циничной – констатации («Все продается: любовь, искусство, планета Земля, вы, я», «Гламур – это праздник, который всегда не с тобой», etc.), ставить под сомнение которую возьмется лишь конченный идеалист. Есть, впрочем, вещицы и поинтересней, отрезвляющие суетливого, вечно спешащего, вечно думающего о кредитах и платежах Номо-вроде-как-Sapiens'a: «Смерть – единственная встреча, не записанная в вашем органайзере» – в общем, читайте и перечитывайте, если окажетесь вдруг в плену матричных иллюзий.

Главный герой, богатенький Буратинка, он же рекламщик Октав, несмотря на всю свою непривлекательность («Я – тот самый тип, что продает вам разное дерьмо»), вызывает, несмотря на раздражение, и некоторую жалость, которую испытываешь со смешанным чувством гадливости к какому-нибудь, скажем, погибающему пауку. Ему, Октаву, беденькому, только и хочется на самом деле, что, прихватив с собой пару шлюх, наркотики и деньги, удрать на какой-нибудь необитаемый остров. Социум – который герой Бегбедера ненавидит так же, как презирают его герои Уэльбека (чего только стоит описание офисных будней в романе «Расширение пространства борьбы» последнего!) – весьма лакомый для Октава кусочек. Он малодушен, уволиться самому у него «кишка тонка» – нет, он ждет, пока *его* уволят, мечтая, что все разрешится само собой... Октав плетет, плетет, плетет мизантропичную паутину, пишет

²⁴ Ф. Бегбедер – прозаик, публицист, литкритик, актер. Был уволен из рекламного агентства через некоторое время после выхода в свет романа «99 франков», представляющего собой сатиру на рекламный бизнес. В 2019 году стал лауреатом международной премии Terra Incognita Awards.

²⁵ Ф. Бегбедер «99 франков»: Иностранка, 2005.

книгу, и сам же в ней – книге-паутине – погибает, превращаясь благодаря кокаину и разъедающему изнутри отвращению ко всем и вся, в дохлую муху.

«В моей профессии никто не желает вам счастья», потому как «ваши страдания подстегивают сбыт», – заявляет главный герой, одновременно признаваясь в своем диком животном страхе – ему хочется быть выкинутым всего лишь из фирмы, но не из жизни. Не из жизни, несмотря на не столь далекое от правды утверждение, будто «человек – такой же товар, как и все остальное, и у каждого из нас свой срок годности». Да-да, товар: после 50+ попробуйте-ка найти *нормальную работку* в драгоценной белокаменной, если вы, конечно, не специалист хай-класса (да и то спорно) – кому вы нужны после 50+ в корпоративной силиконовой «красоте» и протеиновой младости? Бегбедер знает, о чем говорит, вот почему его герой решил расквитаться с сим мирком в 33 года: «Похоже, это идеальный возраст для воскресения».

Шесть глав – «Я», «Ты», «Он», «Мы», «Вы», «Они» – отбиваются периодически рекламными паузами, одна из которых, перед пятой главой, звучит уже угрожающе: «Кто-то должен заплатить за все это. Встретимся после рекламной паузы». Вообще же рекламой, словно молитвой в извращенной форме, роман и заканчивается. Сцена, в которой один из персонажей уходит в соленую воду океана, не выдержав *ежесекундного райского наслаждения*, – помните старую рекламку Bounty? – на Острове Призраков, где жизнь протекает сплошь в излишествах, которые хороши лишь в умеренных дозах, но при ежедневном потреблении губят такое слабое, в сущности, создание, как человеческое существо, – соткана из нескончаемых слоганов («Gillette: лучше для мужчины нет», «Canal+: пока вы его смотрите, вы забываете, что смотрите телевизор», etc.), самым приемом напоминает окончание когда-то скандального романа Вл. Сорокина «Тридцатая любовь Марины», где в финале автор использовал газетные «шедевры» советской эпохи, и страниц двадцать, кажется, выводил читателя из себя – я, во всяком случае, не дочитала.

Но вернемся к нашим франкам. Не задаваясь целью пересказывать содержание романа, который для прочистки мозгов неплохо бы многим прочесть, скажу, что в смысле стиля Бегбедер, конечно же, колеса не изобрел, да и не ставил эту увлекательную игру – *Игру В Слова* – во главу угла. Это совсем не Набоков, тут и вульгарности немало: не для высокоморальных-с дам и почтенных-с отцов семейств чтение – не то не избежать им краски, стыдливо лицо залившей. Однако ценность романа «99 франков», разумеется, не в языковых находках, а именно в теме – это тот самый случай, когда не столь важно «как», сколь «о чем», хотя автору сих строк в сочинительстве импонирует как раз первое. Но такое сравнение, например, как решетка на единственном маленьком окошке, кажущаяся Октаву в тюрьме товарным штрих-кодом, все же цепляет: о, это настолько же в духе главного героя, как и его клиническая неспособность любить...

Кажется, Октаву можно простить многое – страдающий эгоист, пресловутые онегинские / печоринские «корни», – но только не предательство беременной от него, идиота, Софи, но только не невозможность позволить себе быть счастливым, когда это, казалось бы, так изумительно просто. Ан нет, человек сей будет нюхать кокс и говорить, говорить, говорить: «Я задыхаюсь... Я хочу путешествовать холостяком по городам и весям... Как же ты хочешь, чтобы я стал отцом?.. Мне не нужна твоя любовь...» – и это-то вот, такое понятное желание ДО любовных отношений, и такое пошлое ВО ВРЕМЯ их, обнажает героя романа больше, нежели даже в сцене «случайно-ритуального» убийства старушки. В общем, читайте сами. А главное – не верьте рекламе и теленовостям на слово. Берегитесь!

Апрель 2010

Вероника Долина²⁶ «Ну и стихи... Они могут за себя постоять»

Размышления об артисте с гитарой, который должен быть непременно «декорирован и инструментован», о позволительных самоповторах, писании стихов в fb, о странах, в которых довелось жить Веронике Аркадьевне, и Москве-бабушке: интервью-памятник уходящей эпохе²⁷ (живое интервью, вусмерть изрезанное столичной газетой: там *памятников* «от забора и до обеда»). Бесконечная нежность и сила духа. Помню ее концерты в ЦДХ и «Гнезде глухаря», помню «Воздухоплаватель», а еще *кассеты* – тогда, в экс-жизни, мы кассеты слушали: и БГ, и Цоя, и Майка Науменко, и Янку Дягилеву, и «Крематорий», и Долину вот... «Раритеты» до сих пор живут в картонной коробке, иногда их даже достаешь: магнитофон зазеркальных 90-х чудом жив.

* * *

Наталья Рубанова: *Кто из современных исполнителей вам соприводен, если таковые есть, и что думаете о нынешнем состоянии авторской песни, если думаете?*

Вероника Долина: Всерьез об этом невозможно говорить. Кончилось то время, та эпоха, где такой как я, может, и было неуютно, но интересно. Стихи под гитару как профессия и призвание повсеместно исчезли с лица Земли. Это сиротливо выглядит, без интереса слушается. Этого почти нет... Артист с гитарой обязан быть декорирован и инструментован. Музыканты, небольшой оркестр, свободные руки, свободная манера... Гитара да микрофон как прежде – этого нет больше, не те времена. И той вызывающей незащитности артиста, выступающего «без забрала», с открытым лицом и в простом костюме – больше нет. Или это большая диковина. На то есть причины, роптать бесполезно. В глубинке Европы можно еще найти исполнителей фадо... Где-то в небольшом кафе во Франции или Германии можно увидеть человека с гитарой, но это редкость. В наших же краях я питаю нежное и сердечное чувство к стихам и исполнению их со сцены Верой Полозковой.

Н. Р.: *Не боитесь ли в текстах повторов – вольных или невольных?*

В. Д.: Этого сколько угодно, в мои зрелые годы я себе все это позволяю. Есть темы, которые пишу годами. Москва. Зима. Дети. Дружеский круг. Мир моих родителей. Тут невозможно без самоцитат и отсылок к себе самой десяти-двадцатилетней давности. Или больше. Но это хорошо. Это достраивает мир, уплотняет конструкцию. Есть музыкальные цитаты, им находится место у меня чуть ли не почетное. То кусочек из песни Пиаф мелькнет. То старая французская песня. То этюдик Гайдна. То несчастный «Сурок»... Почему бы и нет! Я же взялась откуда-то. Я из гущи городского населения. Из девочек, коих мучили музыкальными упражнениями. Я из школьных библиотекарей родом – и прочее. Да я вся в татуировках, в этих музыкальных «не забуду мать родную». А силы... Есть импульс, активность. Я все еще весьма любопытна. К массе вещей равнодушна. Живых и неживых. Но первейшее – искусство. Мир прекрасного. Я с ним очень дружу. Без него ни шагу. Это мой компас, маяк, GPS и что хотите: питает, направляет, подсказывает – каждый фильм, каждая книжка, каждая вылазка в музей. Есть и будни: ежедневная реальность, ее трудности и неприглядности, ее ужасности. Вплоть до власти – я о чиновниках. Это мои недруги. Но и они стимулируют мою внутреннюю борьбу

²⁶ В. Долина – бард, автор поэтических сборников, множества песен и музыкальных альбомов, лауреат премии «Венец».

²⁷ Зд. публикуется в первой редакции, без сокращений.

– ежедневную и перманентную борьбу с «ужасным». И это тоже стихи. Уж о детях или внуках не говорю: наш интимный мир – постоянный наполнитель нашего бензобака. Как бы еще и двигаться? И все же есть важное: всеми этими инструментами надо уметь пользоваться. Это простая художественная задача, но базовая.

Н. Р.: *Вы ведете фейсбук и часто публикуете там новые стихи, не считая это «снижением» для поэзии, хотя публикация поэтического текста в сети предполагает его «промотку» в ленте новостей, где даже шедевр помещается в промежутке между обыденной информацией... Для чего сетевые публикации?*

В. Д.: Лет семь назад уже под воздействием детей я окунулась в мир сетей. Конечно, после сопротивления. Но быстро, почти моментально, к изумлению, помню, младшего сынишки... Ого, говорит, я-то думал, ты будешь едва тут передвигаться, а ты... Да, освоилась быстро. Пара факторов сработала. Или чуть больше. Я большой контактёр. Я в этом понимаю. Мне ничего не стоит заинтересоваться практически чужими делами, и всерьез. И я гуманист. Я неравнодушна к роду человеческому с его мозолями, порезами, нездоровьем и небессмертьем. Ну и еще... Я давно подозревала, с юных лет, что стихи следует писать ежедневно. Или по нескольку раз в день. Это преобразует реальность: и твою лично, и мировую. И вот я принялась... Седьмой год пишу в фб практически каждый день по стиху. В год выходит по книжке. По альбому с песнями. Массу уроков извлекла из этого. Чисто профессиональных. Настроила свои собственные внутренние механизмы так, как они никогда прежде не работали. Очень много удивительного пережила. За эти годы. Иллюзорного и чудодейного тоже. Я не допускаю даже мысли о том, что стиху не место в обыденности. Ему там самое место. В общем, в новостной ленте. В повестке дня. К тому же упоминание твоего скромного имени наряду с событиями дня – это правильная технология. Да и люди на концерт приходят, признаюсь. Не жили никогда с растяжками и баннерами по городу, не придется и начинать... за мое время на фб публика моя помолодела изрядно, средний возраст до 50 лет. Было-то иначе, конечно же. Фактор новизны, откровенной свежести: я очень большой этого ценитель. Не реликтовый пусть и вбитый крепко в память припевчик, а свежий стих, равновеликий событию, новостному поводу. Вот так работаю.

Н. Р.: *На ваших концертах рождается некое магическое пространство, сотканное из звуков и смыслов, которые с первых же аккордов находят «точки доступа» к душе. Вы чувствуете волшебство отдачи зала, его ауру – и как она меняется от песни к песне?*

В. Д.: Да, именно так. Концерт – мое любимое занятие, вот эти полтора-два часа жизни, им почти нет равных. Это сложилось давно. В мои неполные 16 лет я заметила перемену в лицах тех, кто слушает: не обязательно меня. Но вот этот камерный стиль. Вот эти простодушные домашние концерты наши или почти домашние – Бачурина или Бережкова, Луферова или Суханова... Не так и мало имен: тех, кто менял лица слушателей. Это и без имен отцов-основателей – Окуджавы или Матвеевой, Галича, Высоцкого... Лица менялись. Сосредоточенность наступала молитвенная. Компактность, сжатость происходящего была пороховой. Верьте мне, это было необыкновенно, в те годы, 70–80-е! Публика была запрограммирована на звучное эффективное слово, одна редкая рифма – и ты видел экстаз у людей. Так было долго. Камерный стиль – старый колдовской жанр. Но попса поглотила практически все. Доступный стиль оказался сладок и манящ, и публика конца 90-х, вздохнув, двинулась за ним... Последние ТВ-программы по «Культуре» отгремели давно. Залы закрылись для таких, как я. Прощай, так сказать, Политехнический, где двадцать лет проходили концерты. Само собой, давно попрощались с Театром Эстрады, где предыдущие пятнадцать лет собирали залы. Малюсенькие залы остались: 50–100 человек. Очень дорожу и этим. О больших залах не вспоминаю. Мои дети уже и не помнят меня на сцене. Но это не страшно. Есть секреты. Есть заготовки. Небольшой домашний голос. Неплохая гитара. Маленькие умения. Ну и стихи... Они могут за себя постоять.

Н. Р.: *Что первично: рифма, мелодия, всё вместе – или этот процесс каждый раз штучный и логическому объяснению, как и любовь, о которой вы столько спели, не подлежит?*

В. Д.: Текст или музыка: тривиально. Я же, ну... адаптор! Я принимаю то и это. Сливаю воедино. Ну хорошо... С моей точки зрения, музыка слову не конкурент. Она, может, даже и древнее. Но я дружу с текстом. Он – всё для меня. Он и музыка, и знак, и символ, и капсула времени.

Н. Р.: *Кто из французских шансонье повлиял на ваш стиль?*

В. Д.: Французы. Не так французская песня, как вся Франция имели и имеют влияние на меня. Конечно, дело в языке. В 9–10 лет это в меня проникло, да там и осталось. Это мой второй язык. Вторая реальность. Мои книжки. Любимые герои. А музыка... Это просто обыденная для меня натуральная песня, конечно, мощно противостоящая внутри меня всему рутинно-попсовому. Я даже не оглядываюсь в ту сторону, где звучит советская или постсоветская попса. Я недослышиваю. И первые, кто повлиял на это, были французы. Я девочкой шлепала на пианино, пела по песеннику из Ива Монтана – «Девушку на качелях» и прочее... Довольно мягко перешла к «Девушке из харчевни» Новеллы Матвеевой... Уже и сама сочиняла в это время. А школу заканчивала – написала кантату «Жанна д'Арк», ораторию «Смерть Роланда», ну и так далее. Я не выношу попсу. А грамотный интересный текст мне бесконечно важен.

Н. Р.: *Вы живете на две страны, в России и во Франции, благо «сладкоголосым французским» владеете в совершенстве. Чем отличается московская и парижская (вероятно – русскоязычная) публика?*

В. Д.: Франция и другие. Все не совсем так, особенно в последние годы. Давно уж заметила, что человеку много чего нужно. И многого он заслуживает, человек. Хотя бы потому, что зачетных лет-то всего 75 примерно... Не одна Франция забрала кусок моего сердца. Огромный ломоть достался Нью-Йорку и Америке. Около тридцати лет любви, свиданий, объятий, понимания... Колоссальная часть моего сердца живет в Израиле. Те же тридцать лет: мои родные люди, моя отчалившая публика. Так и ждут меня на причале. Как я без них? Никак. Они наверняка обойдутся. А я хочу быть с ними. Ну и Москва. Москва-бабушка. Ну что делать. Не выходит по-другому. Хотела во Франции подольше жить-поживать, все там мне мило, все мое, а Москва держит железной хваткой. Пойди-ка освободись! В этих усилиях и пребываю постоянно, сплошной комок мышц... Но зато стихи.

17.07.2019, для «ВМ»

Елена Камбурова²⁸

«Я никогда не стремилась создать шлягер»

К 100-летию Тонино Гуэрра в Театре музыки и поэзии Елены Камбуровой ставили «Терра Гуэрра. Каприччио»: а мы встречались с Еленой Антоновной в 2019-м, когда еще шли репетиции, и пили в ее кабинете чай со сладостями – какое-то дикое количество конфет и зефира на столе, впору лишь выбросить, не в себя же... Она – маленькая, уютная, хрупкая, со сказочными глазами – вспоминала юность, годы учебы, Раневскую с Окуджавой и рассуждала о своем театре, созданном *для очень чуткого зрителя*... «если допустить, что не вся публика – дура», добавила я про себя и открыла блокнот.

* * *

Наталья Рубанова: *Идут репетиции «Terra Гуэрра»: над постановкой работает Лора Гуэрра, супруга Тонино, как драматург. Когда премьера?*

Елена Камбурова: Да, мы все очень болеем за то, чтобы у нас появился новый спектакль, посвященный Тонино Гуэрра. Он был больше чем сценарист, режиссер и актер. Он был настоящий романтик! Поэт и художник. Его 100-летний юбилей будет отмечаться в марте 2020 года: премьера намечена на следующий сезон. Итальянская песня очень красива, а в нашем спектакле будут звучать как эстрадные шлягеры 1950–70 годов, популярные во время расцвета дара Тонино, так и неаполитанские народные песни, а еще отрывки из классической итальянской оперы позапрошлого века... Сам спектакль основан на отрывках из сочинений Тонино: бесконечному пространству его пьес, рассказов, стихотворений и сценариев.

Н. Р.: *В юности вы хотели стать драматической актрисой, но поехали поступать в Киевский институт легкой промышленности. Зачем?*

Е. К.: Я приехала в Киев, но в театральное поступать не решилась. Так вышло, что моя тетя была связана с институтом легкой промышленности, и я подумала: ну, хоть годик там поучусь, в Киеве поживу, а не в Хмельницком. Все спонтанно и просто: нужно было переехать.

Н. Р.: *Ваш первый опыт сцены оказался печальным, и тем не менее вас это не остановило.*

Е. К.: Да, была серьезная травма – после провала в 10 классе можно было вообще забыть о сцене, но внутренний голос говорил: «Надо! Надо идти дальше!». И я перешагнула через травму.

Н. Р.: *Вы переехали в Москву, но в Щуку вас не приняли: чтобы остаться в столице, работали на стройке. Что дал этот острый опыт?*

Е. К.: Маляром работала. Трудно, но выдержала! Это был очень трудный год, жить было нелегко... И все же было жутко неловко возвращаться домой. Как сказать родителям, что не поступила? Может быть, из-за гордости все это и терпела. Через год я случайно поступила в цирковое училище, когда узнала про интересную студию художественного слова на ВДНХ. Пришла туда, меня спросили, могу ли я спеть что-то – и я спела «а капелла» песню «Куда бежишь, тропинка милая»: тогда-то Сергей Андреевич Каштелян и сказал мне, что надо петь, что есть цирковое училище, а там – эстрадное отделение... Как Буратино поступила: шла в одну школу, а попала в другую.

Н. Р.: *Вы были знакомы с Окуджавой: что вспоминается прежде всего?*

²⁸ Е. Камбурова – певица, актриса, зоозащитник, основатель и худрук Московского театра музыки и поэзии; народная артистка России, лауреат Госпремии РФ. Удостоена многочисленных наград: в частности, Царскосельской художественной премии, премий «Хрустальная Турандот» и «Своя колея», знака отличия «За благодеяние» и пр.

Е. К.: Меня поразила его доброжелательность. Я бывала у него дома в Москве, смущалась – поставила его тогда на пьедестал, слишком высоко, а это неправильно: смотреть снизу вверх. Он спрашивал: «Как дела?» – а у меня дела тогда не очень хорошо шли, так как все, что я пела, было против власть предержащих: меня и в «декадентщине» обвиняли, во многом... Тогда ведь процветали мажорные улыбочивые вещицы, а у меня – совсем иные интонации, Таривердиев... Зачем я все это Окуджаве рассказывала? А он отвечал: «Увы, так». А когда я попала на радиостанцию «Юность» и мне предложили записать песни Окуджавы «О Лёнке Королёве» и Новеллы Матвеевой, это было счастье. Окуджава для меня – это мои университеты, это моя школа. Кстати, на радио «Юность» фамилия Булата Окуджавы прозвучала впервые именно в контексте исполнения его песни Еленой Камбуровой. Мной.

Н. Р.: *Какие университеты постигались через музыку Таривердиева?*

Е. К.: Самое главное, чему я научилась у Микаэля Таривердиева, это что слову в песне должно дышаться легко и хорошо. Когда слово что-то значит, надо подобрать для него верную интонацию...

Н. Р.: *Вы никогда не стремились создать шлягер, и тем не менее стали известны, что скорее исключение из правил, не так ли?*

Е. К.: Шлягер я создать действительно не стремилась. Мы с моей пианисткой Ларисой Критской всегда были выше шлягеров тех времен. Рядом с Окуджавой и Матвеевой они были ничем: впрочем, сейчас все относительно в сравнении с нынешней попсой... Однажды Таривердиев предложил мне записать песню «Маленький принц» в кино: она вызвала неоднозначные эмоции со стороны редакторов, они боялись... Представляете себе, какую эмоцию несли в советские времена слова «Где же вы, где же вы, счастья острова, где побережье света и добра»? Это Добронравов. И все-таки мы потом спели эту песню в Доме композиторов.

Н. Р.: *Какую роль сыграл «случай, бог-изобретатель», в вашей карьере?*

Е. К.: Именно случай привел меня на радио «Юность»: его слушала молодежь и узнавала меня! Если бы мне тогда еще разрешили с концертами выступать, но увы: «Москонцерт» запретил мои гастроли. И все равно я выезжала в разные города, что-то около 700, наверное... Свердловск, Новосибирск... много где была! А в Саратове на меня написали «телегу»: я должна была ехать в Ленинград, мне звонил директор залов города Пастернак и спрашивал, почему я не еду. А как ехать с «телегой»? Он сказал, что соберет в Ленинграде комиссию, что будет положительный отзыв о моем концерте... Так и вышло.

Н. Р.: *Как вы познакомились с Раневской?*

Е. К.: Это чудо, что она слушала радио! Я и пела, и читала из горьковских «Сказок об Италии»... Читала «Нунчу». Меня записали, а Раневская на гастролях в Ленинграде, оказывается, включила радио и стала меня слушать. И написала обо мне на радио хорошие слова! Редакторы сказали: «Пляши! Тебе Раневская написала письмо!». И только через год мы с ней увиделись – надо было подписать некую бумагу. Первая фраза Раневской: «Вы кто такая?» – «Я Камбурова» – «Хорошо, что вы не Фифа!». Ну а протекцию для будущих встреч составила мне собачка Фаины Георгиевны, Мальчик, типичный «черный собак». Раневская боялась, что если умрет раньше Мальчика, то кто же его возьмет, кому он будет нужен... Так и вышло, она ушла раньше. А взяла собачку Мальчика актриса Майорова.

Н. Р.: *Вы любите французский шансон 20 века, поете не только на русском. Чем близки шансонье, Жак Брейль?*

Е. К.: После циркового училища меня чудом – снова случай! – взяли в группу молодежи Театра эстрады. Перед нами выступал Жак Брейль: у меня тогда все преобразилось в голове, я поразилась, как может петься песня – это было и ударом, и озарением. Лишь много лет спустя я узнала других шансонье. А пою я на английском, на иврите, на греческом... Каждый язык по-своему музыкален.

Н. Р.: *Что для вас актерство?*

Е. К.: Актер – очень сложная, очень зависимая профессия. Я-то в песнях становлюсь актрисой, не быть ею как-то странно... Я никогда не пела навязанного мне репертуара – а многие актеры должны играть то, что за них решают. И зависти много, ненависти даже... Это очень морально тяжелая профессия: редкий актер доволен своей судьбой. Только талант помогает преодолеть все это.

Н. Р.: *Как у вас появился театр – снова случай?*

Е. К.: Да. Я была в Бонне на фестивале, там же был и Лев Сергеевич Шимаев, некая фигура при Ельцине. И ехали мы в поезде вместе с Шимаевым и Градским. Зашел разговор о желаниях. Мы с Градским сказали, что хотим театры. «Ну, будет вам по театру!» – ответил Лев Сергеевич. Так и случилось, как в сказке. На встрече Юрия Михайловича Лужкова с творческой интеллигенцией я сказала о том, что очень нужен Театр музыки и поэзии... И Лужков услышал: мне предложили встретиться с ним лично. Вообще, это была авантюра, как мне казалось, – то, как я добивалась театра. А чудо все-таки произошло. Самое настоящее чудо: в 1992 году у нас появился свой театр на Большой Пироговской улице в Москве. Спектакли, концерты, программа для детей, подготовка к премьере «Терра Гуэрра»... Мы экспериментируем с песенным жанром, ищем новые формы на стыке музыки и драмы. А еще у нас есть свой, особый, зритель. В первую очередь чуткий.

03.05.2019, для «ВМ»

Иосиф Райхельгауз²⁹

«Не ставлю Шекспира, Мольера, античные драмы»

В год 30-летия московского Театра «Школа современной пьесы» пришла литжурналистка к известному режиссеру, захватив заодно и свою экспериментальную драматургию. Интервью прошло легко, распечатки пьес переключали из ее сумки на стол Райхельгауза, а недели через две мэтр сказал, прочитав тексты, что *знает, как ставить Улицкую, а вот как Рубанову – нет*. Позже, правда, Иосиф Леонидович написал тепло-винное предисловие к моей книге «Карлсон, танцующий фламенко»³⁰, а я, будучи по иронии судьбы еще и литагентом, помогла ему издать сборник театральных баек «Игра и мука»³¹... К чему слова? К тому, что чем черт не шутит – может быть, найдется на сем шарике и режиссер, знающий, как ставить не только Улицкую и К*. Может быть. Когда-нибудь. Или не. «Небесное жюри смеется последним», говорил Топоров.

* * *

Наталья Рубанова: *В начале года театр, который вы создали 30 лет назад, вернулся в свое историческое здание на Трубной площади – то самое, в котором в XIX веке размещался легендарный ресторан «Зимний Эрмитаж». Какие чувства испытываете?»³²*

Иосиф Райхельгауз: Самые прекрасные. Теперь у нас три сцены – «Эрмитаж» на 400 мест, «Зимний сад» на 200 мест и «Белый зал» для камерных постановок примерно на 50 зрителей: это своего рода экспериментальное поле. Так как сцены независимы друг от друга, они могут быть задействованы одновременно: зритель может выбрать, куда идти, чтобы познакомиться с современной драматургией. Запланирована Летняя сцена на 800 мест – мэрия Москвы сделала нам этот подарок в честь 30-летия театра.

Н. Р.: *Кто занимался дизайном ваших театральных интерьеров?*

И. Р.: Художник Алексей Трегубов с творческой группой, а главный художник театра Николай Симонов интерьеры детализировал. В Большом зале, в частности, воссоздана лепнина, ее покрыли сусальным золотом. Отреставрированы хрустальные люстры, зеркала, восстановлены росписи, фрески...

Н. Р.: *Кто ваш зритель – зритель «Школы современной пьесы»?*

И. Р.: Наш зритель – тот, кто идет сегодня по Неглинке: реальный живой человек, ищущий ответы на свои личные вопросы. И ответы эти он может получить не из классики, а именно из современных пьес... Билеты раскупаются! Впрочем, наш зритель не только в Москве: наш зритель и в Южно-Сахалинске, и в Одессе, и в Тбилиси... где мы только не гастролировали! У нас Филиал театра в Берлине – играем там каждый месяц, публика ждет. Азарт! Предложили открыть филиал в Париже.

Н. Р.: *В театре же есть «лаборатории»?*

И. Р.: У нас пять театральных мастерских ГИТИСа, у нас проходят читки, конкурсы. Заславский – нынешний ректор ГИТИСа – наш выпускник. Есть и программа «Кафедра», есть и семинар драматургии. Много интересного для роста и развития. Мы давно уже создали кон-

²⁹ И. Райхельгауз – режиссер, педагог, народный артист РФ, профессор Института театрального искусства (ГИТИС). Создатель и многолетний худрук московского театра «Школа современной пьесы», автор нескольких книг и журнальных публикаций.

³⁰ Н. Рубанова «Карлсон, танцующий фламенко»: Лимбус Пресс, 2021.

³¹ И. Райхельгауз «Игра и мука»: АСТ, 2019.

³² И. Райхельгауз руководил своим московским Театром ШСП до июля 2022.

курс «Действующие лица», и каждый год в рамках этого проекта ставим пьесы молодых режиссеров.

Н. Р.: *Вы родились и выросли в Одессе, много кем работали, в 60-х годах были электрогазосварщиком на автобазе: дал ли вам что-то этот опыт или... обошлись бы?*

И. Р.: Дело не в электрогазосварщике: любого человека формируют некие обстоятельства, среда. Мне очень повезло с местом рождения: Одесса – это море, это определенный состав людей, место, где перемешаны все языки и национальности... Я столкнулся там с замечательными художниками, в частности, с известным сценографом Михаилом Борисовичем Ивницким, которого потом привез в «Современник», в БДТ... Эти люди – настоящая русская интеллигенция, и именно они привили мне любовь к чтению... Лет в тринадцать я стал понимать, что очень многого не знаю. Много читал, фантазировал – а потом вдруг понял: мечты сбываются. Знаете, я тогда жил в очень скромной квартире, но представлял, что живу в отдельном доме, на земле, среди берез... Все получилось! Годы спустя. Или – иду по зарубежному городу – думаю, почему бы нашему театру не приехать сюда на гастроли! И приезжаю... Я фантазирую дальнейшие отношения – или они реализуются, или не. А насчет электрогазосварщика... папа сказал когда-то: «Надо пойти и получить нормальную профессию». Вот я и пошел. Хотя к тому времени мои рассказы уже печатали в местной одесской газете «Комсомольская искра», но разве это была *профессия*? Опыт электрогазосварщика оказался очень важным и полезным: он был для меня всегда некоей точкой отсчета... Иногда думаешь: ну вот ты опоздал на самолет из Парижа в Барселону, а мог бы сидеть в Одессе и сваривать железяки. Понимаете, о чем речь? Что было и что стало.

Н. Р.: *В 1964-м вас отчислили из Харьковского театрального института «за профнепригодность», а в 66-м году та же история произошла в Ленинграде, и понеслось: вы стали рабочим сцены... Почему тогда «не разглядели» знаменитого ныне режиссера?*

И. Р.: Я полвека преподаю, страшно сказать! Я сам часто выгонял кого-то, не брал... Может быть, когда меня отчисляли, эти люди и были правы, не знаю. Наверное, по каким-то критериям я не подходил им тогда. Но никаких обид! Если бы случилось как-то иначе, возможно, я бы не встретился со своей женой... тут же целая цепочка событий!

Н. Р.: *И все же в 1968-м вы поступили в ГИТИС, работали в студенческом театре МГУ. Самые яркие московские впечатления тех лет?*

И. Р.: Я ставил там спектакли, что называется, вслед выдающимся режиссерам. Вот у Любимова шел спектакль «Павшие и живые», и я тут же поставил спектакль со стихами погибших поэтов. А у Эфроса шел «Снимается кино» по пьесе Радзинского – я в своем спектакле играл ту же роль, что у Эфроса сыграл Ширвиндт. В общем, мне хотелось доказать публике, что я не хуже, и успех действительно пришел, моя фамилия появилась в газетах.

Н. Р.: *Вы довольно долго «кочевали» по московским театрам, а в 1989-м основали свой собственный, где ставите только современную драматургию. По какому принципу отбираете пьесы для постановок?*

И. Р.: Пьеса должна иметь отношение к жизни людей, которые покупают билеты. Человек хочет есть – идет в ресторан. Хочет спорта – на стадион. А когда у человека болит душа, он идет в театр. Кто-то – в храм... Но наш зритель понимает, что бог находится внутри него самого, ищет сопереживания, понимания, эмоционального поощрения... Мне нужны талантливые пьесы, написанные здесь и сейчас. По-русски. Поэтому я не ставлю Шекспира, Мольера, античные драмы: мне это не очень интересно. Да, я смотрел спектакли своих великих коллег, но ко многому остался равнодушен: мне интересен именно современный мир современного человека, а не того, кто жил двести лет назад. Поэтому я ставлю пьесы Евгения Гришковца, Людмилы Улицкой, Григория Остера, Виктора Шендеровича.

Н. Р.: *Некоторые ваши спектакли в экс-СССР не допускали к столичным показам – в частности, «И не сказал ни единого слова» по Бёллю, и арбузовскую пьесу «Мой бедный Марат»... Что видела совцензура в ваших постановках, что было не так?*

И. Р.: Цензурщики, чиновники среднего звена с тех пор не изменились... Они видели, что я их не принимаю и разоблачаю, что ставлю перед ними зеркало, но рассказываю на самом деле про других, нормальных, людей. А почему великим Эфросу, Товстоногову, Захарову не давали работать? Да и сейчас времена непростые – история с Кириллом Серебренниковым безумна и бездоказательна! Одно время у меня не было московской прописки – соответственно, блюли букву закона: раз нет прописки, значит, работать не может...

Н. Р.: *Скоро выйдут ваши новые книги – театральные байки «Игра и мука», а также записки путешественника «Прогулки по бездорожью-2»...*

И. Р.: Да, страсть к литературе не оставляет. Что касается травелога «Прогулки по бездорожью», то я вместе с моим другом Анатолием Чубайсом участвую в экспедициях по фактически непроходимым местам земного шара. После каждой такой экспедиции публикую повесть, снимаю фильм... У нас очень серьезная спортивная группа. Самое главное в экспедиции – вездеходный транспорт. Цель – от пункта А до пункта В пройти по прямой тем маршрутом, который никто до нас не проходил! Как пьесу ставлю первый раз новую – так и новым маршрутом иду... Вот, например, пустыня Таклимакан в Китае – мы ее пересекли на квадроциклах, очень сложное болото в Монголии – на баге, половину Белого моря прошли на гидроциклах... А Байкал прошли вдоль, а не поперек – по льду, на снегоходах. Прошли отрезок Северного морского пути по Кольскому полуострову, где никто не мог двигаться. Мы осваивали Новую Зеландию, Эфиопию, Иорданию, Кубу, Мексику, Казахстан, Туркмению, Иран... много чего. Вот об этом и будет книга.

Н. Р.: *В своем спектакле «Монолог» вы называете себя счастливым человеком...*

И. Р.: А я и есть счастливый человек. Когда мне сказали, что осталось жить всего-ничего, хотя потом и капитально починили, я стал просматривать многие вещи, вспоминать... Сколько же всего интересного в жизни было! Судьба подарила мне встречи с выдающимися людьми – писателями, поэтами, драматургами, актерами, режиссерами! Сергей Юрский, Булат Окуджава, Михаил Глузский, Любовь Полищук, Олег Табаков, Алексей Петренко, Лев Дуров... всех не перечислить. И это счастье – как и моя любимая работа в театре: счастье. У меня крайне мало времени, а успеть нужно еще так много!

2018, для «ВМ»

Людмила Улицкая³³ «Быть писателем – дикая роскошь и блажь»

Давным-давно меня позвала в гости композитор Светлана Голыбина. Я позвонила и ждала, когда откроют дверь, как вдруг увидела поднимающихся по лестнице Улицкую с сыном: «Вас как зовут? Меня – Люся...». Почти не помню, о чем мы говорили за столом, ибо столько прошло лет, – но, разумеется, о книгах, музыке и «о жизни такой». Было легко, тепло, интересно: на одной волне. Многие годы спустя я предложила писательнице сделать материал – получилось нечто об «экологичном чтении», диктате рынка как *литгеноциде* (термин мой) и Открытой Сети. В сухом остатке: говорили мы, что любопытно, уже на условно разных русских языках – как это звучало за полтора года до объявления пандемии, читайте в интервью³⁴.

* * *

Наталья Рубанова: *Вы начали публиковаться после сорока: результаты хорошо известны – от «Сонечки», принесшей во Францию Премию Медичи, до большекнижной премии за роман «Лестница Якова». Не слишком ли много внимания уделяется сейчас молодым авторам (до 35 лет), когда резонно было бы поддерживать уже состоявшихся, но оказавшихся ныне на условной обочине литпроцесса, и которым «40–50 плюс»? Те же Валерия Нарбикова, Елена Сазанович... «И-и» в данном случае в России не работает: поддерживать молодых – модно (как детдому помощь оказать), тогда как в условный дом престарелых вкладываться не так престижно: «отработанный материал»... Будучи существом пишущим и – по иронии судьбы – существом с приставкой «литагент», все чаще сталкиваешься с тем, что называется литературным геноцидом. Чем талантливее текст, тем сложнее издать книгу. Бумажную книгу. Такое случалось не раз и не два, и это совсем не забавная, не милая история – трепещущие «за место» редакторы делают вид, будто писателя не существует. В корзину летят еще те нетленки, цензура не только тематическая, но и стилистическая. «Как это продавать?» – слышны голоса функционеров от литературы. Есть ли противоядие – или не стоит даже пытаться?..*

Людмила Улицкая: Ваши рассуждения о возрастных градациях я просто не поняла, а выражение «литературный геноцид» слышу впервые. И слышать мне это смешно: если уж вы хотите такой термин ввести в оборот, то он гораздо более уместен для более ранних времен, когда писатели платили очень высокой ценой, а иногда и жизнь за свое творчество. Имена Гумилева, Мандельштама, Хармса, Введенского и многих других литераторов первого ряда стоят на золотых полках. А кто помнит имена тех гебешников и их послушных редакторов, которые их травили и уничтожали? «Нетленки» сегодня в корзины, как мне кажется, не летят. Есть возможность повесить в сети все что угодно, от стихотворений до романов. То, что раньше называлось «самиздатом» и преследовалось, сегодня прекрасно существует. Раньше был диктат идеологии в России, а сейчас диктат рынка, и он как раз работает во всем мире, не только в России. Добавить к этому могу только одно – быть писателем дикая роскошь и блажь. У меня была другая очень хорошая профессия, и жизнь как-то вытолкнула меня в писательство: я испытывала от этого первые лет двадцать дискомфорт. Сейчас множество людей пишут

³³ Л. Улицкая – автор множества книг и премий, в числе которых «Русский Букер», Премия Пенне, «Большая книга», Премия Симоны де Бовуар (Франция), Австрийская государственная премия по европейской литературе, Премия Московской Хельсинской группы в номинации «За защиту прав человека средствами культуры и искусства», Международная литпремия «Форmentor» и др. Была неоднократно представлена на соискание Нобелевской премии по литературе.

³⁴ «НГ-Экспресс», 06.09.2018 https://www.ng.ru/person/2018-09-06/10_949_persona.html.

книжки, заканчивают Литинститут, считают, что их должны издавать. Да, кого-то будут издавать, кого-то не будут. Это врачи и учителя, повара и медсестры всегда нужны, а писатели только те, кого люди хотят читать. А остальные – пусть пишут сколько угодно, это большой кайф, пусть получают удовольствие, умнеют в процессе письма. Я всегда это говорю начинающим: пишите, это полезно. А издавать вас никто не обязан.

Н. Р.: *В случае с талантом (не суть, 19 автору или 90) это и есть литгеноцид. Не забудем и о молохе литкоррупции – конвейерной продаже простецких букв, о намеренном снижении планки, усреднении вкуса, убийстве алхимии текста. О музыке слова, тонком слухе нет речи: «Пишите проще!». Жертвоприношение дара для удобства усредненной системы фальшивых ценностей. Посмертное признание: «Недооцененный писатель...» (музыкант, художник, ученый, режиссер). Термин – мой: литгеноцид. И он не обязательно предполагает физическое уничтожение: не обязательно быть Бабелем, чтобы чумная длань расстрельного списка коснулась тебя. Некий глоток воздуха – литжурналы «Знамя» или «Урал», однако они не могут вместить в себя все авторское разнотравье. Выход таланта в Открытую Сеть неизбежен: как вы относитесь к интернет-публикациям, суета сует?..*

Л. У.: Очень хорошо отношусь к существованию сетевой литературы. Это не суета, а литературный процесс нового времени. Мои тексты часто вывешивают в сети, как правило, пиратским способом, но меня это не огорчает. Напротив, даже радует. Бумажные книги стали такими дорогими, что мне часто бывает неловко перед читателями. А разнотравье пусть цветет в сети. Уверена, что лучшее напечатают. Если вообще еще кто-то будет читать книги на бумаге. О каком жертвоприношении таланта вы говорите? Какой системе в угоду? Системе, слава тебе господи, совершенно все равно, что там пишут писатели, лишь бы не писали в газетах о коррупции и помойках. А про таланты не беспокойтесь – вода дырочку найдет! У меня был друг, покойный уже поэт Дмитрий Авалиани, прекрасный поэт. Он сидел в коморке консьержа в писательском доме, мимо него ходили бездарнейшие литераторы, а он как был талант, так и остался, хотя при жизни у него и публикаций почти не было.

Н. Р.: *Разве это нормально, когда у таланта при жизни публикаций почти нет? Сравнить же бумажные и электронные тоже не хотелось бы: лед и пламень не столько различны меж собой... Ок, обоим так называемых классиков XXI века вполне себе состоялась, имена на слуху, однако у них есть и современники, не менее одаренные. В частности, эмигрировавшие. Литература уходит в сетевой космос, ибо «нашенские» премиальные вести с полей не вызывают большого желания читать ангажированные книги. Все уже было: дубли, дубли... часто слышу: «Надоели!»*

Л. У.: Никакой обоймы классиков XXI века нет. Двадцать первый только начинается. Градусника для измерения одаренности писателей еще не придумали... Ваша точка зрения? Моя? Дмитрия Быкова, которому я очень доверяю, он все прочитал и все знает, в отличие от меня и, думаю, вас. Мне трудно с этим согласиться. А если надоело, то и не читайте. Никто и не принуждает. В русской литературе дважды происходили такие разделения – после революции, когда часть писателей эмигрировала (простите, Набоков и Бунин), и второй раз – не считая послевоенной эмиграции – в конце XX века. Таких крупных фигур не было, но были хорошие писатели и поэты (назовем, для примера, Бродского). Думаю, в российских издательствах сегодня напечататься уехавшим из России совсем не сложно. А что читать – это выбор читателя... никто не заставляет читать «Молодую гвардию» Фадеева.

Н. Р.: *Среди мэтров из «несуществующей» отечественной литобоймы нет тех, кем мне хотелось бы восхищаться: давно не читаю премиальных нетленок. И – не соглашусь с вами, ибо не понаслышке знаю – были прецеденты – напечататься «поуехавшим» сложнее, нежели тем, чье белковое тело находится в этой стране: в силу человеческого фактора в том числе... редакторы любят, чтоб к ним ходили. Физически. Издатели-Всея-Руси, как и прочие «боги в законе» типа киношников, должны б, на самом деле, формировать вкус: вместо этого мы*

имеем то, что имеем – расцвет масслита в виде сентименталки и остросюжетной парипрозы, сериальные зомбиистории и прочие речовки для введения в мозг электората с ограниченными интеллектуальными возможностями. Настоящая литература и кино в упадке: минимальные тиражи, минимальный прокат. Читатель, он же зритель, покорно отдыхает с порнографической коробкой попкорна. В Европе с этим как, на ваш взгляд?

Л. У.: В Европе ровно то же самое. Я постоянно говорю о том, что сегодня люди очень внимательно исследуют упаковки продуктов, нет ли там ГМО и какой срок годности, чтобы не впустить в желудок чего-то некачественного. Это диктуется экологическими соображениями. А что они впускают в свои головы, их не тревожит. Существует также экология чтения. Это – личная ответственность каждого человека.

Н. Р.: *Вы создали в АСТ отличный проект «Детство-А завтра будет счастье», отбирали рукописи для других сборников «Народная книга». Что они значат для вас и будут ли новые серии?*

Л. У.: Новых серий, кажется, не будет. Человек, который вел этот проект, из издательства ушел. Это была очень хорошая мысль – издавать такие «народные книги». Если предложат, я не откажусь в этом участвовать.

Н. Р.: *Вам присылают немало текстов. Кого из авторов порекомендуете издателям? Что читаете сейчас, что цепляет, волнует, вдохновляет?*

Л. У.: Последняя повесть, которую я рекомендовала, написана журналистом Леонидом Никитинским. Она мне очень понравилась, но я не уверена в том, что она понравится Елене Шубиной. Пока ответа не получила. Мне случается время от времени рекомендовать книги. Но времени читать «не по делу» у меня очень мало. Всегда есть ряд книг, которые мне прочитать нужно для работы. Вот сейчас читаю книги по русскому космизму, это совершенно необъемный и очень интересный материал. Когда-то, в 1990 году, моя подруга принесли мою книгу в издательство «Галлимар», и они ее издали. Я это очень хорошо помню и благодарна по сей день и Маше Зониной, и Сергею Каледину, которые взяли мои рукописи и кому-то отнесли. И я делаю то же самое, когда в руки попадает что-то, кажущееся мне выдающимся. Я прекрасно помню, как в конце 80-х разослала пять рассказов в пять журналов и получила пять отказов. А спустя несколько лет три из них были отмечены премиями «Лучший рассказ года». Такая судьба писательская.

Н. Р.: *В моей формирующейся серии отличные писатели: Андрей Бычков, Татьяна Дагочина и прочие. Цель проекта проста – возвращение прозе о чувствах статуса художественного произведения, ныне во многом утраченного. Не знаю, что ждет эти отменные тексты – волчий билет или выход в свет. Знаю лишь, что прозу эту, грамотно упаковав (правильная аннотация, правильная обложка, правильный PR), можно продать читателю, которого следует любить, а значит воспитывать. Вкус воспитывать. Что думаете на сей счет?*

Л. У.: Собственно, я уже ответила, призвав людей к экологическому чтению... Если вы занимаетесь издательской работой и знаете, как надо упаковывать, что же вас останавливает? Упаковывайте, продавайте, воспитывайте вкус! Что касается меня, я никогда перед собой задачи воспитания чувств не ставила.

Н. Р.: *Вы член попечительского совета московского благотворительного фонда помощи хосписам «Вера». А что думаете о подобной помощи животным? В России чудовищная ситуация с бездомным зверьем. Будучи известным писателем, вы могли бы транслировать идею введения биоэтики в школах? Реально ли изменить ментальность тех, кто вырастет уже послезавтра, или снова «не то время», «особый путь»?*

Л. У.: И обсуждать нечего: да, конечно, да. Общество наше жестокое, бесчувственное, равнодушное. Единственный способ, который я вижу, – жить, распространяя вокруг себя идеи сострадания и милосердия и к людям, и к животным. Когда государство берется за такие проекты, они мгновенно превращаются в нечто противоположное. Вопрос мой сводится к тому,

что когда введут указом в школе преподавание биоэтики, кто пойдет ее преподавать? Чиновники из министерства образования?

Н. Р.: *Люди, которым близка эта тема: чиновники не при чем.*

Л. У.: Если чиновники могут руководить Министерством культуры, почему б не преподавать им то, что спустят сверху? Хоть этику, хоть эстетику, хоть научный атеизм, хоть основы православия. Не замечали?

Н. Р.: *ОК. О планах не будем, чтоб Абсолют не смешить, и все же: новую книгу от вас – ждать?..*

Л. У.: Скорее пьесу, а не книгу. Все время что-то царапаю. Но точно не роман!

18.08.2018

Татьяна Веденева «Я – жираф»

Говорим с *тётей Таней*, под чье фиалковое сладкоголосие экс-совчад пытались загнать в логово Морфея: меня в том числе, но тщетно. А *тётя Таня* начала карьеру за год до моего рождения и запомнилась автору этих строк именно как *тётя-спокойной-ночи-мальшии*, хотя сделала в своей жизни *кое-что еще*. Впрочем, это присказка... Полчаса жду актрису в гримерке ШСП (пиар-менеджер театра разводит руками) и уж собираюсь уходить, как наконец является Веденева, по-барски заполняя пространство ароматом духов и играя огромными перстнями. Первым делом Татьяна-свет-Вениаминовна подходит к зеркалу и, проводя рукой по волосам, улыбается: прическа, как и костюм, отменны. Элегантная дама. С чертиками в зрачках. Она сама себе нравится: так – можно, да только так и нужно! Ан лучше б «королевам» не опаздывать – чудом не разминулись.

* * *

Наталья Рубанова: *Вы уже много лет работаете в «Школе современной пьесы»: почему именно этот театр?*

Татьяна Веденева: Райхельгауз – а мы знакомы с режиссером еще по ГИТИСу – звал меня много лет, и все это сопровождалось примерно такими словами: «Ну надо бы что-то поиграть, зачем дурака-то валять!». Кстати, именно в Школе современной пьесы, в этом здании, располагался в XIX веке знаменитый московский ресторан «Эрмитаж», где всегда бурно отмечался Татьянин день. По давней традиции студенты Иосифа Леонидовича устраивали 25 января капустники... А как я стала играть здесь? Он мне сказал: «Таня, актриса заболела, выручи театр! Не отменять же спектакль!» Начал давить на все болевые точки: «Зима, холод, зрители придут, и что – им назад домой возвращаться? Роль простая – домработница... там все о высоком говорят, а девушка просто помогает по хозяйству... соглашайся, справишься!». Ну я и согласилась – подумала, уж домработницу-то точно сыграю. Ну вот, так и стала читать пьесу... а принесли мне ее почему-то без титульного листа: я даже не знала, что играю! Короче говоря, до четырех утра читала... сказать, что я была в шоке – значит не сказать ничего...

Н. Р.: *Роль не ограничивалась фразой «Кушать подано»?*

Т. В.: Увы. Моя героиня постоянно на сцене и постоянно в диалоге со всеми! А ведь актерам две недели дают на ввод...

Н. Р.: *Как справились?*

Т. В.: В те годы очень многие писали кулинарные книги – я не исключение, у меня как раз вышли «Рецепты Татьяны Веденева»: рецепты французских поваров, очень качественная простая еда... Так вот, я взяла эту книгу на сцену и положила туда шпаргалки... Впрочем, меня спасла телевизионная суперпамять – иногда я убегала за кулисы, где стояла завлит с открытой книгой: я «фотографировала» глазами текст, а потом выдавала его на сцене. В общем, как щенка, бросили меня в воду и сказали: плыви... Выплыла.

Н. Р.: *Какая была реакция у коллег?*

Т. В.: Актрисе Тане Васильевой подарили букет, а она передарила его мне, понимая, через что я прошла, чтобы не завалить спектакль. Колоссальное эмоциональное напряжение! А пьеса называлась, кстати, «Русское варенье». Пьеса Улицкой.

Н. Р.: *В каких спектаклях вы заняты сейчас?*

Т. В.: В «Доме» Гришковца играю бизнес-вумен... Из последних ролей мне ближе всего «Последний акт»: мы играли его в паре с Филозовым, у нас даже не было второго состава,

только мы. Сейчас играем его с Владимиром Качаном. Это очень интересная пьеса – там много ностальгии, юмора... И – «На Трубе», конечно: премьера 2019 года, иммерсивное действие, очень интересная познавательная история. На последних двух спектаклях был полный переаншлаг!

Н. Р.: *В 80-е вы перешли из театра на ТВ: насколько сложным было вхождение в профессию?*

Т. В.: Я год стажировалась в Останкино. Был очень серьезный конкурс, всероссийский. Ведь там, на телевидении, были очень яркие личности в то время... Светлана Жильцова, Анна Шилова, Валентина Михайловна Леонтьева – высочайшего класса профессионал, к тому же, она очень хорошо ко мне относилась. С Ангелиной Вовк были также теплые отношения.

Н. Р.: *Кто из советских телеведущих больше всего повлиял на вас?*

Т. В.: Их было тогда мало, не больше пятидесяти... Все дикторы были очень интересные и достойные люди. А повлияла больше всего Валентина Леонтьева. Ее программа «От всей души» – это просто подвиг для ведущей! Три часа на сцене, без суфлеров, невероятное количество историй, которые нужно запомнить, не перепутать людей в зале... Она вызывала восхищение... Я вела как-то такую же передачу в Нижневартовске: попросили провести – в те времена не хватало так называемых светлых программ... В общем, был день рождения Нижневартовска, и их главный человек по нефти сказал: «Приехать должна Веденева!». Города я фактически не видела – готовилась, столько нужно было запомнить! Увидела потом лишь Обь, застывшую зимой... было минус сорок... Кто еще повлиял из дикторов? Анна Николаевна Шатилова – она до сих пор изредка появляется на ТВ... Да любые харизматичные личности влияют. В начале пути всегда есть мастер, гуру, на которого хочешь быть похожим... а двух одинаковых художников нет.

Н. Р.: *Что вдохновляет – какие спектакли, музыка, книги?*

Т. В.: Я люблю современную драматургию – например, спектакль Александра Ширвиндта «Где мы?» в Театре Сатиры... Нереально вдохновляет консерватория – когда у человека стресс, музыка очень помогает, вытягивает... Я ходила в этом июне на конкурс Чайковского, слушала пианистов... очень интересно! На чтение остается не так много времени – художественную литературу читаю только в отпуске. Но всегда просматриваю журналы: «Эксперт», «Профиль»... Нам, рожденным в СССР, все-таки повезло, что в школе мы прочли очень много классики... Из современной прозы упомяну роман Яхиной «Зулейха открывает глаза»: очень эмоциональная вещь. Еще меня увлекла семейная сага «Происхождение всех вещей» американки Элизабет Гилберт: очень интересно.

Н. Р.: *Успех к вам пришел с фильмом «Здравствуйте, я ваша тетя!», где вы сыграли Эллу Делей. Как эта роль повлияла на дальнейшую деятельность?*

Т. В.: Когда я поступила в театральное, мне было 16 лет. Первая роль случилась в Пришла известность. Но было трудно, когда мне давали роли «на сопротивление». С «тёти» все и началось, да. Вообще же меня режиссеры видели такой пасторальной фа-мажорной героиней, хотя я совсем не такая, у меня очень мощный темперамент, и – почему-то часто играю иностранок.

Н. Р.: *Какую роль хотите сыграть в театре – и что самое трудное для вас в актерском деле?*

Т. В.: Если говорить о классике, то многое не сыграно. В театральном институте я мечтала сыграть флюберовскую госпожу Бовари – очень яркий образ... Но Театр ШСП не ставит классику. Впрочем, современные драматурги интересно пишут. Например, «Тот самый день» – пьеса очень хорошая, хотя роль и не совсем моя: играю на сопротивлении... Профессия тем не менее обязывает.

Н. Р.: *А почему решили написать детскую книжку?*

Т. В.: Георгий Гупало придумал познавательную серию о животных для детей и пригласил известных людей написать книги от лица животных. Яркие, веселые, информативные, полезные! Например, у Леонида Агутина книжка «Я – слон», у Валерия Сюткина – «Я – комар», у Бориса Грачевского – «Я – мартышка», у Дмитрия Крылова – «Я – пингвин», у Татьяна Устиновой – «Я – скунс»... много изданий, больше сорока... Моя книга называется «Я – жираф».

Н. Р.: *Почему выбрали жирафа?*

Т. В.: Мне идея так понравилась, что я прочитала про жирафа буквально все! Вы знаете, что эти животные видят друг друга на расстоянии 1 000 метров? А спят всего несколько часов в сутки? А сердце жирафа! Оно весит больше десяти килограммов! Мы были с этой серией на Книжном салоне в Париже – я рассказывала французским детям о жирафе: даже с переводчиком они слушали, приоткрыв рот.

Н. Р.: *Вы много путешествовали и много где жили, несмотря на советский режим...*

Т. В.: Да. Франция, Канада, Япония, США... ну и многие другие страны, конечно, – та же Венгрия... Причем я никогда не была членом КПСС, работая на ТВ, хотя выпускали за рубеж обычно только членов партии.

Н. Р.: *Как вам это удавалось?..*

Т. В.: Когда меня спрашивали, а почему я до сих пор не в партии, я отвечала, что не доросла. Так и сошло с рук.

Н. Р.: *Как совмещаете актерскую карьеру и ткемальный бизнес?*

Т. В.: Совмещаю. Еще и дом в Подмоскowie строю: надо все успевать! А насчет ткемали... Мой бывший муж из Грузии – так вот, когда мне дали попробовать настоящий грузинский ткемали, я влюбилась в этот вкус и предложила мужу заняться производством соусов – сейчас мы просто партнеры по бизнесу и продолжаем развивать его. Я придумала этикетки, названия марки «Trest В.»... Мы покупаем экологически чистые помидоры и сливы. У ткемали специальные номера: есть даже «Сацибели № Чертовка». Только чертовка – это не жена черта, а, так скажем, *женщина с перчинкой*.

Н. Р.: *Что за духи у «женщины с перчинкой»?*

Т. В.: Guerlain, «Samsara»: ничего особенного, они доступны, это не от кутюр запах. Наверное, просто на мне они звучат как-то особенно... Простите, пожалуйста, время поджимает, скоро спектакль. «Подслушанное, подсмотренное, недописанное». Не видели? Оставайтесь смотреть!

05.07.2019, для «ВМ»

Виктория Токарева³⁵ «Лаю я очень хорошо»

В конце 90-х я попала на Тверском под авто; потом некоторое время лежала с переломом в пространстве без книг – рядом оказался по иронии судьбы лишь томик Токаревой. Зеленый, чужой... Я листала его, вертела так и сяк, вспоминая *мартышку и очки*, но все же не смогла договориться с собственными эстетическими притязаниями: так и уставилась в потолок вместо страницы. Когда же, условные двадцать лет спустя, работала на ТВ, мы впервые поговорили по телефону с Викторией Самойловой. Речь шла о продаже телеканалу ее старого литературного сценария. Фактически на второй минуте персона расставила точки над *i*: «Наташа, я – классик!». *М-мм, с кем не бывает...* Я едва не съязвила, но привычка (годы тренировки) говорить с авторами в режиме *доктор-пациент* сработала, и промолчала я, будто Меркурий радикаса моего вовсе не в Скорпионе... Но не суть: в нашем интервью «классик» рассказывает простым смертным о работе в кино, книжках и вспоминает маэстро Феллини, что и есть, разумеется, самое любопытное.

* * *

Наталья Рубанова: *Вас называют так называемым классиком так называемой женской прозы, хотя это определение весьма спорно. Вас бирка «женская проза» не смущает? В просторечии «ЖП».*

Виктория Токарева: Нет. Знаете, я читаю сейчас одного автора-мужчину, молодого... так вот, у него абсолютно женская проза. А иногда женщина мыслит, как мужчина. Вот Марина Цветаева: у нее склад ума был отчетливо мужской. Она гениальна и писала не по-женски, так скажем. Разница же в основном в теме книг у разных полов! «Тоска по идеалу»: так критики определили меня... Да, писательницы чаще всего отражают мир по части любви и тоски по идеалу, писатели же отражают этот же самый мир более объемно. Многие писательницы думают, будто женская литература – это какая-то ограниченность, недостаточность, а я – нет. «Наличие больших собак не должно смущать маленьких собак, ибо каждая лает тем голосом, который у него есть», как писал Чехов. Лаю я очень хорошо, а кто и что говорит, мне абсолютно все равно. Вокруг нас вообще очень много дураков – да и они должны быть, так как если не будет дураков, то будет непонятно, кто тогда умный!

Н. Р.: *У вас музыкальное образование, но музыку вы оставили, поступили во ВГИК не без помощи Михалкова...*

В. Т.: Михалков мне помог по тем самым причинам, по которым меня не взяли во ВГИК. Курс набирала Катерина Виноградская, а она вообще не любила женщин – меня отстранила, так как мне было 24 года: модная, молодая, привлекательная – ей казалось, что такие экземпляры вроде меня ни на что не способны.

Н. Р.: *Свой первый рассказ «День без вранья» вы по совету Войновича отнесли в журнал?*

В. Т.: Да, Войнович сказал, что если бы нашел этот рассказ на улице, то тоже бы его отнес! Это был журнал «Молодая гвардия», 1964 год, начало пути... «День без вранья» быстро напечатали.

Н. Р.: *Вы работали с множеством режиссеров: кто и чем больше всего запомнился?*

³⁵ В. Токарева – сценарист и прозаик, чьи многочисленные тексты были массово экранизированы. Получила премию «Золотой теленок» (ЛГ, клуб «12 стульев», 1968). Награждена орденом *Знак Почета* «за заслуги в области советской литературы» (1987).

В. Т.: Я работала с самыми разными – были и режиссеры-пораженцы. Один из них, Вячеслав Криштофович, был дисквалифицирован, так как якобы снял что-то неудачное. Но он сделал фильм по моему рассказу «Инструктор по плаванию» и стал знаменит! Я написала для режиссера Александра Серова в соавторстве с Георгием Данелией «Джентльмены удачи»: после этого Серов тоже стал знаменит! Какой-то сценарий я написала для режиссера Алексея Коренева – и после этого он снял фильм «Большая перемена», который успешно идет до сих пор. То есть я существовала как удобрение для скудной почвы – все со мной расцветали пышным цветом. Данелия, конечно, исключение... После Данелии я ни с кем не могла уже работать: он был очень талантлив, а у всех остальных радиация таланта была куда меньше.

Н. Р.: *Ваши самые известные сценарии – «Джентльмены удачи», «Мимино» и «Шла собака по роялю»: в чем секрет массового успеха?*

В. Т.: «Шла собака по роялю» Грамматикова – знаете, этот фильм мне категорически не нравится. Вот если бы его снял Данелия, это могли бы быть еще одни «Джентльмены удачи»! Природа юмора у всех разная. Одному кажется смешным то, что другому смешным совсем не кажется, а у нас с Володей Грамматиковым природа юмора очень разная. Секрет успеха? Удачный сюжет, отличные диалоги, талант режиссера.

Н. Р.: *Вы закономерно не относите себя к писателям-интеллектуалам. А что для вас интеллектуальная литература и читаете ли кого-то из современных авторов?*

В. Т.: Если взять писательниц, то вот мой список: Дина Рубина, Татьяна Толстая, Людмила Петрушевская, Людмила Улицкая и Виктория Токарева – пять звезд! Каждая по-своему неповторима, в их прозе есть все, что нужно – и интеллект, и юмор, и талант. Из писателей могу назвать Андрея Битова. Вообще чтение для меня – это пассивное творчество. Я была потрясена романом Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза»! Из советской литературы если вспомнить кого-то, то, наверное, Шолохова: «Тихий Дон» – шикарная вещь.

Н. Р.: *Вы были знакомы с Федерико Феллини... Какие воспоминания?*

В. Т.: Да. Это, конечно, уникальное знакомство. Кстати, не самого режиссера я увидела в первую очередь, а, как бы точнее выразиться, близость его конца, что ли... Он умер через полгода после нашей встречи. И те самые «шаги командора» были мне отчетливо слышны... Познакомились мы в тот период, когда меня купило швейцарское издательство Diogenes. Там же издавал свой альбом рисунков и маэстро. Даниель Кель, хозяин издательства, решил нас познакомить, прикинув, что если бы мы вместе с Феллини что-то написали, он бы «это» издал и разбогател.

Н. Р.: *Написали?*

В. Т.: Нет. Кель пригласил меня под Рим в шикарный санаторий, туда же приехал Феллини, мы провели вместе пару недель: просто общались и искали, что можем создать вместе. Но Феллини – гениальный человек, а гении очень автономны: зачем я ему была нужна, непонятно. На самом деле, это не так безумно интересно, как кажется – знакомство с гениальным режиссером. Я увидела старого, больного и глубоко равнодушного человека... К старости почти все глубоко равнодушно: это природа так делает, чтобы человеку не очень страшно было уходить, природа отбирает желания. Вообще же – да, мы планировали снимать кино: Феллини расписывает фабулу, отдает мне, а я пишу сценарий и отсылаю ему... Хорошо помню наш диалог: «О чем может быть наше кино?» – «О том, как русская писательница разговаривает с итальянским режиссером» – «А кто будет играть писательницу?» – «Ты!» – «А режиссера?» – «Я!» – «А сюжет?» – «О том, как тебе не достали билет на самолет»... я ведь не сразу смогла прилететь в Италию!

Н. Р.: *У вас экранизировано немало книг: какие фильмы кажутся удачными?*

В. Т.: Виктория Самойловна Токарева не следит за своими экранизациями – и даже не смотрит их! Видела только «Террор любовью» с Ириной Розановой – она там потрясающая, и фильм хороший.

Н. Р.: *Многие женщины говорят о некоем психотерапевтическом воздействии на них ваших текстов: для вас это важно?*

В. Т.: Это все равно что получить пятерку по сочинению. Или «пять» в четверти. Нелли Кобзон сказала мне как-то, что когда ее брату делали операцию в Германии, ее спасали только мои книги... И таких людей очень много! У женщин нередко бывает кризис в любви, а когда они погружаются в мои книги, то отвлекаются от своих несчастий и их выносит на другой берег. В моих книгах позитивный заряд – как в американских фильмах, где почти всегда хеппи-энд. Надо уметь радоваться. Бог дал так много человеку при жизни, что рассчитывать на то, что будет что-то еще после нее, нелепо. Жизнь – очень богатая вещь, но не всегда, пока мы живы, мы это понимаем.

Н. Р.: *Сейчас едва ли не каждый третий мнит себя писателем. А что вы думаете о литмастерстве?*

В. Т.: У меня каждый год выходит новая книга, и каждая интереснее предыдущей. Про мастерство – или ты с этим рождаешься, или у тебя этого нет. Научить «этому» нельзя. Мне старший Михалков надписал однажды книгу: «Пиши, пиши, но не спеши!» – не надо торопиться, надо быть перфекционистом. Владимир Войнович переписывал до тех пор, пока не понимал, что написать лучше он уже не может. А я обычно переписываю рассказ два раза, пока там не будет ни одного лишнего слова, поэтому меня так легко читать. Кажется, Мопассан говорил: «Смысл жизни – это хорошо делать свое дело». И это действительно так. Очень важно уважать свой труд и чувствовать отдачу.

2019, для «ВМ»

Денис Драгунский³⁶

«У меня был большой опыт „застольного рассказчика“»

Познакомились мы с ДД на одном литвечере: там, в библиотеке, я публично распекла молодых аффторов, мнящих себя писателями, – «особо одаренные» оскорбились, ну а с ДД мы вскоре почти сдружились, если подобное слово позволительно. Дарили друг другу свои книги, гуляли по московским бульварам, захаживали в кафе «Венеция», и не только. Денис Викторович невероятно чуткий персонаж – и ничего ему не нужно объяснять, ничегошеньки: так бывает. Его эрудиция порой изумляет, а еще с ним можно обсценную: легко. Что ж, сын своего отца! Более 60 лет назад впервые были опубликованы «Денискины рассказы» Виктора Драгунского, ставшие любимой книжкой множества киндеров. На моей книжной полке она тоже есть. Просто потому, что «он живой и светится».

* * *

Наталья Рубанова: *Как повлияли на вашу жизнь «Денискины рассказы»? Нет, наверное, ребенка «родом из СССР», который не слышал бы об этой книге вашего отца.*

Виктор Драгунский: Один приятель сказал мне: «Люди свою жизнь кладут, чтоб заработать хоть какую-то известность, а ты родился знаменитым!» Насчет «родился» – это преувеличение. «Денискины рассказы» стали популярным детским чтением в 1961 году – мне было одиннадцать лет. Книга переиздается до сих пор, так что бремя незаслуженной известности я ношу уже более полувека. На меня сильнее всего повлияло общение с отцом. Он учил меня всему – читать правильные книги и понимать смысл прочитанного, не бросать друзей детства, вставлять замок в дверь, колоть дрова, жарить мясо, умело драться и найти себе редкую профессию. Он умер, когда мне был всего 21 год. Но его литературная слава долго держала меня в узде, не позволяла заниматься писательством: я знал, что меня будут с ним сравнивать. В случае успеха – попрекнут знаменитой фамилией, а в случае провала скажут «природа отдохнула». Так что я начал писать свои рассказы в возрасте 57 лет, сменив несколько профессий.

Н. Р.: *Что именно побудило писать прозу? Уже набралось около двадцати книг.*

Д. Д.: Пока двадцать. Рассказы и три романа. Новый, четвертый, – в работе. А почему начал писать все-таки? Я резко сменил свой жизненный проект. Это мое свойство: я вообще многое менял. А еще был опыт написания пьес, поэтому в моей прозе действие развивается без авторской подсказки. Читатель до всего доходит сам, без поводыря.

Н. Р.: *Какая форма ближе – отчасти эстетский по нынешним временам «короткий метр», он же рассказ, или популярный «книжный сериал», он же роман?*

Д. Д.: У меня был большой опыт «застольного рассказчика», так что начал я с рассказов. Первые 400 моих рассказов – это тексты на страницу, буквально по три тысячи знаков. Это, строго говоря, новеллы, так как там фабульное повествование: начало, кульминация, неожиданная развязка. Сейчас у меня напечатано около 1300 новелл. Осенью планируется выход новой книги рассказов «Дочь любимой женщины». Одной из самых сложных для себя работ считаю свой 700-страничный роман «Дело принцепы», написанный от лица 15-летней девочки. Мне бывает странно узнать, что у меня есть и фанаты... Вот, например, книжка «Ночник» 2011 года, где я описал свои сны, – до сих пор получаю благодарные отзывы, в том числе в фейсбуке.

Н. Р.: *Почему любите «презренный» фейсбук?*

³⁶ Д. Драгунский – писатель и журналист, популярный блогер, публицист, автор «АСТ» и толстых литжурналов. Интервью опубликовано в «Вечерней Москве», 10.08.2019 <https://vm.ru/society/658630-denis-dragunskij-slava-otca-nepozvoljala-mne-zanimatsya-pisatelstvom>

Д. Д.: Фейсбук прекрасен! Когда я пишу, мне кажется, что мои подписчики заглядывают мне через плечо и торопят. Между окончанием рассказа и его публикацией в фейсбуке у меня проходит не более пяти минут. Я живу в диалоге с читателями, для меня это самое главное.

Н. Р.: *Вы филолог, политолог, колумнист... Что значит для вас «работа без выгоды» – или она все же есть? Выгода или ее отсутствие.*

Д. Д.: Я уже давно не филолог и десять лет как не политолог. Теперь я просто писатель и отчасти журналист – вы правильно сказали «колумнист», потому что я не тот журналист, который выезжает на место происшествия, берет интервью. Я публикую «колонки», то есть свои мнения. Выгоды не ищущу, и никогда не умел: будучи политическим аналитиком, я помногу общался с людьми самого высшего круга. С министрами и олигархами. Но ничего, кроме зарплаты, на этом не нажил, и слава богу: так спокойнее жить.

Н. Р.: *«Бывших филологов» не бывает, как и прочих «бывших» музыкантов или врачей... ОК, вы преподавали греческий в Дипломатической академии МИДа. Откуда такая любовь к Элладе?*

Д. Д.: Я учился на филологическом факультете, на отделении классической филологии. Моей специальностью была греческая палеография и текстология – я изучал византийские манускрипты. То есть выполнил завет своего отца насчет редкой профессии. Но в 1973 году эта профессия оказалась чересчур редкой, спроса не было – и я пошел преподавать новогреческий язык в Дипакадемию.

Н. Р.: *Что думаете об отечественных литпремиях как о некоей институции, не скучаете ли, просматривая списки финалистов?*

Д. Д.: Что вы! Веселюсь! Литпремии – это часть литературного процесса, особенно в секторе рекламы и маркетинга. Премированная книга получает лучшее место на выкладке в магазине, у лауреата берут интервью, это позитивно сказывается на продажах, и это хорошо. Что же касается качества... примерно половина лауреатов и дипломантов – это достойная литература. Но я сам был членом жюри пяти премий, и поэтому скажу: «Тот, кто любит колбасу и ориентируется на литпремии, не должен видеть, как делается то и другое».

Н. Р.: *Сменим тему... на обложки книг: дизайнеры издательств нередко душат то, что вложил в текст автор. Как вам вся эта, с позволения сказать, свистопляска?*

Д. Д.: Это смотря какой дизайнер. Есть обложки хорошие, есть средне-нормальные, а есть просто ужасные – особенно если дизайнер не читал книгу дальше названия. Увы, так бывает во всем мире. Вот книга, изданная в Мексике: перевод с русского. На обложке: розовая дама в кружевном платье держит за руку такую же розовую и кружевную девочку. Название: *Максим Горький «Мать»*. В одном российском издательстве маркетингологи требовали, чтоб дизайнер сделал обложку покруче, чтоб на нее люди повелись. Сделали так круто, что магазины отказались брать эту книгу: «Да помилуйте, к нам женщины и дети заходят!» Автор должен смело отстаивать свое право участвовать в обсуждении обложки. Мне с дизайнером повезло – это моя дочь Ирина Драгунская, она сделала все 20 моих книг.

Н. Р.: *Действительно повезло. ОК, сейчас модно «быть молодым»: писателем, сорри за сие словечко, сварщиком, кем угодно... главное до условных 35-ти. Что им, этим молодым, посоветуете – и надо ли?*

Д. Д.: Помнить, что молодость проходит очень быстро. Не успеешь оглянуться – бац! И новые молодые люди говорят тебе: «Ну куда ты лезешь, дядя! Что ты в этом понимаешь?». Спасибо, не «дедушка». Выход один – не гордиться своей молодостью, а использовать свою молодую силу и бодрость на всю катушку – чтобы в 35+ не остаться с пустыми руками на берегу взрослой жизни.

Н. Р.: *Вот еще о чем спрошу. А как вы относитесь к столичным репертуарным театрам и часто ли уходите с постановок по причине банальности сюжетов и невыразительности актерской игры? Я перестала ходить в московские театры, ибо доплачивать за скуку...*

Д. Д.: К сожалению, я не такой уж театрал, в театре я просто зритель. Поэтому отвечу цитатой из моего романа «Дело принципа»: «В конце концов театр – это только развлечение. А если люди честно старались тебя развлечь в течение трех часов, их надо за это искренне поблагодарить».

Н. Р.: *Старались, но не смогли, ну да... а что думаете о развитии новой и «новейшей» современной драматургии?*

Д. Д.: Тут я согласен с Костей Треплевым из чеховской «Чайки»: «Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно». Новая современная драматургия в России есть, и неплохая. Причем всякая – и совсем новаторская, авангардная, и крепко-профессиональная – что называется, «пьеса с хорошими ролями для двух пожилых актрис».

Н. Р.: *Вернемся к нашим баранам. Что, на ваш взгляд, в современном книгоиздательском процессе уводит достойные книги от читателя? И: как всегда, «кто виноват» и «что делать»?*

Д. Д.: Высокие цены на книги. Но главное – отсутствие идеализма, представьте себе. Стыдно, что в России нет ни одного литературного журнала с высоким тиражом, и литературно-критического тоже. А в «бездуховной» Америке есть. Потому что там есть миллиардеры-идеалисты, которые их финансируют. Крупный российский бизнес лопается от денег, но все разговоры о финансировании журналов заканчиваются вопросом: «Как и когда мы отобьем затраты?» Да никак и никогда! Это совсем о другом. Это о народе, о культуре, о будущем страны, на это надо горстями сыпать золото, щедро вкладываясь и в журналы, и в недорогие книги, и в распространение, то есть в магазины, в концерты, литературные чтения...

Н. Р.: *Есть некая статистика: в России самые читающие в мире люди – это дети, подростки читают чуть меньше, но 70 % взрослых людей книг вообще в руки не берет. Откомментируете?*

Д. Д.: У нас есть мощная традиция детского чтения, золотой запас «детсадовской классики», который постоянно возобновляется на книжных полках в прекрасном дизайне, и новые детские авторы тоже появляются. Подростки чаще торчат в гаджетах, а для значительной части взрослых чтение как бы немодно и, повторяю, дорого. Потому что нет тиражных литературных и критических журналов, нет телепередач, нет планомерного продвижения литературы к читателю. Это поправимо. Нужны усилия бизнеса и государства, причем усилия бескорыстные. Хорошая книга хороша не быстрой прибылью, а тем, что она прорастает в душах людей, делает их добрее и умнее.

7 июля 2019

Валерия Нарбикова³⁷ **«Все новые течения начинаются от балды!»**

Ее прозу мне повезло открыть для себя в тот период юности, когда еще не смеешь называть писателей «авторами», а на опусы их навешивать ярлычки / -измы, преследующие, по сути, одно: классификацию, унификацию, структуризацию чего-то бесконечно от человека далекого. Потому и не анализировала: запоем – в 90-е – «План первого лица. И второго», «Шепот шума», «Равноденствие света дневных и ночных звезд», etc. Справка о Нарбиковой в одной из книг гласит, что «до 1988 года ее произведения не публиковались из-за эстетического неприятия издателями „другой литературы“». И действительно: в том же Журнальном зале любопытствующий найдет сочинения Нарбиковой только в нескольких изданиях. Именно публикация в «Крещатике» повести «Султан и отшельник» и подтолкнула меня к встрече с этим ни на кого не похожим писателем – к тому же я не без удовольствия обнаружила, что та Нарбикова, стиль которой был так близок мне в юности, «цепляет» и через годы. Ее прозу причисляют тут к элитарной: этакое «кино не для всех». Как следствие – публикации в Германии, Франции, бывшей Чехословакии, Италии, Голландии: отечественный читатель конца века определенно до чего-то не дотягивал, чего-то «не догонял». Именно иностранцы познакомились первыми с ее книгами; в экс-СССР же подобный автор мог рассчитывать в лучшем случае на самиздат.

³⁷ В. Нарбикова – прозаик, поэт, художник; печаталась в журналах «Знамя», «Стрелец», «Крещатик», «Юность», «Лифт» и пр. Издано около 10 книг в России, а также пять (в переводах) – во Франции, Германии, Голландии, Италии, Чехословакии. Член Союза писателей Москвы. Удостоена присуждавшейся журналом Александра Глезера «Стрелец» Премии имени Набокова (1995, 1996). Интервью опубликовано в «ЛитРоссии», № 45/2006: <https://litrossia.ru/item/1342-oldarchive/>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.